

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 7–8 2020
July – August**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 7–8 2020 (July – August)

ISSN 2310-5593 (Print)

ISSN 2519-1209 (Online)

Editor-in-chief

Bondarenko Natalya, Russia, Doctor of Philosophy Sciences

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abdusshalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Atayev Zagir Vagitovich, Russia, Ph.D. Geographical Sciences
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Bogolib Tatiana Maksimovna, Ukraine, Doctor of Economics
Bolshakov Andrey Georgievich, Russia, Doctor of Political Sciences
Bondarenko Natalia Grigorievna, Russia, Doctor of Philosophy
Bulatbaeva Ayyul Abdimazhitovna, Kazakhstan, Doctor of Education
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Economics, Doctor of Law
Dalibor Milorad Elezović, Serbia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law
Gaydin Sergey Tihonovich, Russia, Doctor of History
Gurov Valeriy Nikolaevich, Russia, Doctor of Education
Ibragimova Liliya Ahmatyanovna, Russia, Doctor of Education
Ibraeva Alua Salamatovna Kazakhstan, Doctor of Law
Ivana Blahuna, Ukraine, Doctor of Economics
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Korzh Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Lekerova Gulsim, Kazakhstan, Doctor of Psychology

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Melnichuk Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kazakhstan, Doctor of Economics
Moldabek Kulakhmet, Kazakhstan, Doctor of Education
Morozova Natalay Ivanovna, Russia, Doctor of Economics
Moskvin Victor Anatolevich, Russia, Doctor of Psychology
Navruzoda Bakhtiyor, Tajikistan, Doctor of Economics
Novikov Alexei, Russia, Doctor of Education
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Salaev Sanatbek Komiljanovich, Uzbekistan, Doctor of Economics
Salamatovna Ibraeva Alua, Kazakhstan, Doctor of Law
Shadiev Rizamat Davranovich, Uzbekistan, Doctor of Education
Shahutova Zarema Zorievna, Russia, Ph.D. of Education
Soltanova Nazilya Bagir, Azerbaijan, Doctor of Philosophy, Ph.D. of History
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Tereschenko-Kaidan Liliya Vladimirovna, Ukraine, Doctor of Philosophy
Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology
Zolotukhina-Abolina Elena, Russia, Doctor of Philosophy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8 – Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage

ppublishing.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Study of art

Искусствоведение

УДК 78.071.1(470)(092):784.6

DOI: 10.29013/AJH-20-7.8-3-9

В. Л. КОВТОНЮК ¹,¹ Харьковский национальный университет искусств имени И. П. Котляревского

ЦИКЛ «ДЕТСКИЕ ПЕСНИ» МИХАИЛА ПЛЕТНЕВА: АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Аннотация

Цель: выявление базовых параметров стиля музыкального творчества М. Плетнева.

Методы: базу исследования составляет комплексный подход, в основе которого лежат исторический, жанрово-стилевой, сравнительно-интерпретационный, интонационно-драматургический методы.

Результаты: Установкой исследования было избрано утверждение о том, что целостное понимание стиля музыкального творчества М. Плетнева невозможно без изучения взаимодействия и взаимопроникновения основных видов его деятельности – пианистической и дирижерской ипостасей музыканта, и их влияния на становление его композиторского стиля. В процессе работы показано, что специфика музыкального мышления М. Плетнева во многом объясняется универсализмом его личности.

Новизна: на примере цикла «Детские песни» впервые рассмотрены базовые параметры стиля музыкального творчества М. Плетнева. Определены семантические и композиционные параметры замысла цикла «Детские песни»: графическая ясность фактуры и стройность архитектоники, звукоизобразительность письма, интимность, ироничность, тонкое понимание технологических и темброво-колористических возможностей различных инструментов и оркестровых групп в целом.

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы в педагогической практике, в частности, в курсах анализа музыкальных произведений, теории и истории исполнительского искусства, а также в непосредственной композиторской и исполнительской практике при решении проблем художественной интерпретации.

Ключевые слова: М. Плетнев, стиль музыкального творчества, композиторская деятельность М. Плетнева, цикл «Детские песни» М. Плетнева.

Как цитировать статью: Ковтонюк В. Л. Цикл «Детские Песни» Михаила Плетнева: Аналитические Этюды // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020. – No. 7–8. – P. 3–9. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-7.8-3-9>

Введение

Постижение музыкального искусства невозможно без детального изучения личности творца как созидательной силы, продуцирующей появление написан-

ного произведения или его исполнительской версии. Именно поэтому современное музыковедение, опираясь на концепции смежных отраслей гуманитаристики (философии, психологии, культурологии и пр.), среди

основных факторов, обуславливающих целостное восприятие творческой деятельности музыканта, называет понятие индивидуального стиля, как квинтэссенции мироощущения личности и одного из основополагающих параметров её изучения. Так, В. Москаленко понимает стиль музыкального творчества, как «специфику мироощущения и музыкального мышления творческой личности, которая реализуется системой музыкально-речевых ресурсов сочинения, интерпретирования и исполнения музыкального произведения» [3], а И. Сухленко указывает, что «основой индивидуального стиля является личность и система музыкально-речевых ресурсов складывается, прежде всего, под влиянием личностных качеств исполнителя. Эти качества определяют исполнительский тип музыканта и формируют его звукотворческую волю» [7, с. 51]. В целом же, необходимо отметить, что проблеме стиля посвящены многие современные украинские исследования и, хотя многие вопросы, казалось бы, уже достаточно хорошо изучены, они, тем не менее, остаются актуальными и будут оставаться таковыми, пока мы можем говорить об искусстве как о творческой деятельности личности.

В этом плане особый интерес, на наш взгляд, представляет стиль музыкального творчества М. Плетнева, феномен которого во многом объясняется универсализмом личности, а именно сочетанием пианистической, дирижерской и композиторской творческой деятельности. Равнозначимые для постижения специфики художественного мышления М. Плетнева, в творчестве музыканта они представлены различно как в хронологическом, так и в количественном смысле. Однако целостное понимание стиля музыкального творчества М. Плетнева невозможно без изучения взаимодействия пианистической и дирижерской ипостасей музыканта, а также их влияния на становление его композиторского стиля.

Результаты исследования. Известно, что М. Плетнев, начавший свою карьеру как солирующий пианист, достаточно скоро заявил о себе как талантливый транскриптор, а спустя какое-то время – как дирижер и создатель оркестра. К композиторскому же творчеству, которое сегодня является важной составляющей стиля музыкального творчества маэстро, он пришел поздно, в отличие от известных пианистов-композиторов – С. Рахманинова, С. Прокофьева, Д. Шостаковича – рано проявивших способность к сочинению. М. Плетнев начинает сочинять в зрелом возрасте, уже достигнув мастерства не только как пианист, но и как

дирижер, осознавший все тонкости оркестрового мышления. При этом, отвечая на вопрос журналистов, кем же в конечном итоге считает себя он сам, музыкант говорит: «*Это одна профессия, все грани которой мне в равной степени доставляют удовольствие*» [2].

В активе композитора М. Плетнева на сегодняшний момент достаточно большой корпус работ, особенно, если учитывать тот факт, что он также концертирующий пианист, дирижер, руководитель такого крупного коллектива, как Российский национальный оркестр. М. Плетнев неоднократно признавался, что любовь к композиции проявилась в нем в юном возрасте и продолжает присутствовать в его творческой жизни [4; 5; 6]. Время от времени, музыкант добавляет в программы своих фестивалей и гастрольных туров авторские произведения, что усиливает и без того не малый ажиотаж вокруг этих событий.

Известно, что первыми успешными проявлениями композиторского таланта М. Плетнева стали фортепианные обработки. В частности, переложение музыки из балета «Щелкунчик», которое автор включил в свою триумфальную программу конкурса имени П. Чайковского в 1978 году, стало одним из самых часто исполняемых произведений автора. Жанр обработки, известный М. Плетневу еще со студенческого класса профессора Я. Флиера, стал для музыканта настолько близким, что даже приобрел статус своеобразной «визитной карточки». Поэтому для многих представление о композиторском творчестве М. Плетнева по-прежнему ограничивается именно его фортепианными переложениями музыки из балетов П. Чайковского «Щелкунчик» и «Спящая красавица», а также «Анны Карениной» Р. Щедрина. Эти опусы, а также фрагменты из них настолько пришлись по вкусу пианистам, что исполнители стали их включать как в концертные, так и в учебные программы. Отличительными чертами этой музыки, которые и делают ее столь популярной, являются:

- подчеркнутая виртуозность в сочетании с яркой образностью;
- использование широчайшего арсенала исполнительских приемов;
- эффект оркестровой звучности, реализованный средствами пианистически удобной фортепианной фактуры, создание которой подвластно, пожалуй, только транскриптору-пианисту.

Именно эта особенность – уникальная способность слышать фортепианную фактуру оркестрово – опреде-

лила феноменальный успех плетневских транскрипций и стала отправной точкой его композиторских притязаний. Последующий же опыт работы с симфоническим оркестром, тонкое понимание технологических и темброво-кolorистических возможностей различных инструментов и оркестровых групп в целом, определяют семантические и композиционные параметры замысла М. Плетнева-композитора сегодня.

Анализируя жанрово-стилевую палитру композиторского наследия М. Плетнева можно сделать вывод, что, начав свое творчество с изучения оркестровых опусов других композиторов и перевода партитуры из многомерного оркестрового звучания в монотембровое фортепианное, музыкант со временем, как и в исполнительстве, практически полностью погружается в стихию симфонического искусства. Обладая таким колоссальным ресурсом, как собственный оркестр, выступающий художественным «плацдармом» творческих поисков, М. Плетнев, без сомнения, пишет музыку именно для РНО. Так, например, имея в активе оркестра сильную контрабасовую группу, композитор создает знаменитое *Adagio* для пяти контрабасов, а первыми исполнителями Фортепианного квинтета, помимо самого автора стали концертмейстеры групп плетневского оркестра.

Интересно, что в композиторской деятельности М. Плетнев не ограничивается музыкой с участием фортепиано как самого очевидного в данном случае инструмента, но работает с инструментальными составами, не столь часто используемыми в концертном исполнении. Среди наиболее популярных в творчестве М. Плетнева, помимо фортепианных транскрипций, стоит отметить концертные жанры для различных составов (Концерт для альта с оркестром, Соната для виолончели и фортепиано, Фантазия для скрипки с оркестром на казахские темы, Адажио для 5 контрабасов, Каприччио для фортепиано с оркестром, Татарская рапсодия для баяна с оркестром) и свободные оркестровые фантазии (Швейцарская фантазия (*Fantasia Helvetica*) для двух фортепиано с оркестром, Триптих для малого состава симфонического оркестра).

Обращает на себя внимание устойчивый интерес М. Плетнева к использованию народных интонационных оборотов, апеллирующих к традициям иноязычных культур: казахской, татарской, швейцарской... Отметим, что этот выбор, помимо колоссального расширения мелодического и драматургического

потенциала музыкальных произведений, выступает носителем и особого смыслового подтекста, поскольку связан с авторскими посвящениями произведений знаковым местами его жизни: Казань – город детства, Швейцария – место достижения зрелости и расцвета творческих сил. Активно экспериментируя в поисках новых граней звучания, М. Плетнев-композитор, как в фортепианном и дирижерском творчестве, сознательно развивает романтические традиции музыкального искусства. Вместе с тем, специфика художественного мышления М. Плетнева отличается простотой выразительных приемов и ясностью организации фактуры, минимальным использованием нарочито-эффектной виртуозности, некоторой ироничностью.

Все вышеперечисленные характерные особенности присутствуют и в вокально-хоровом цикле «Детские песни» на стихи Р. Сефа – жанре, казалось бы, довольно неожиданном для композитора-пианиста. Однако это сочинение является значимым для М. Плетнева, подтверждением чему является тот факт, что оно было выбрано для исполнения в концерте, посвященном 50-летию юбилею музыканта. Словно оглядываясь назад, переосмысливая собственные художественные установки, М. Плетнев создаёт произведение, стиль которого является тонким сплавом базовых для творчества музыканта констант: сочетанием задушевности, интимности и знаменитой иронии, присущей романтической традиции, с графической ясностью фактуры и стройностью архитектурники, свойственными классицизму.

В контексте своей жанровой принадлежности цикл «Детские песни» М. Плетнева обнаруживает интересные художественные «повороты», которые могут быть определены в трех плоскостях. Прежде всего, это сочинение – пример переосмысления романтического вокального цикла, истоки традиции которого лежат в творчестве композиторов первой половины XIX столетия. Так, образцы вокального цикла, параметры которого во многом совпадают с принципами наиболее характерным для стиля творчества М. Плетнева – интимность, простота, многоплановость событийного ряда – находим в творчестве Ф. Шуберта. Как своеобразный отголосок шубертовской традиции воспринимаются следующие композиторские решения М. Плетнева:

– как тематическая вокальная линия, так и партия оркестрового сопровождения музыкальных номеров циклической композиции достаточно просты;

– эмоциональные переживания лирического героя, закодированные в поэтическом тексте, лишь незначительно акцентируются в музыке.

В целом, речь идет скорее о камерном типе музицирования, предназначенного лишь для узкого круга людей и не предусматривающего излишней экспансивности высказывания.

Вместе с тем, цикл «Детские песни» может служить и наглядным примером воплощения советской традиции песенного творчества, характерной чертой которой была особая приподнятость тона высказывания, использование типичных интонационно-ритмических оборотов и принципов формообразования, предусматривающих взаимодействие партий оркестра, хора и солистов, что вполне отвечало социальному заказу того времени – развитию массовой культуры как средства реализации агитационного потенциала музыкального искусства. Отметим, что советская стилистика песенного искусства, помимо народных интонаций, на которых была основана, несмотря на жесткие цензурные и идеологические ограничения, активно развивала элементы западного эстрадного искусства, которое оказывается очень близким М. Плетневу.

Человека, имеющего хотя бы минимальный опыт погружения в мир советского искусства, плетневский цикл «Детские песни» вернет минимум на пятьдесят лет назад, когда хоровая культура была на своем пике, а в жанре детской песни работали выдающиеся композиторы и поэты. Здесь можно вспомнить о музыкальных произведениях подобного плана в творчестве Д. Шостаковича, И. Дунаевского, Д. Кабалевского, В. Шаинского, Ю. Чичкова и других популярных композиторов, работавших в советскую эпоху, на художественном наследии которых выросло несколько поколений.

Наконец, еще одна грань анализируемого цикла М. Плетнева связана с жанром детского альбома – цикла зарисовок из жизни ребенка, столь близкого ему как исполнителю-пианисту. В частности, напомним о том, что в репертуаре М. Плетнева есть «Детский альбом» П. Чайковского, как известно, любимого композитора маэстро. С этой позиции цикл-альбом «Детские песни» М. Плетнева, на первый взгляд, составлен по стандартному, для подобных сочинений, принципу контрастности эпизодов, объединенных все же общей тематикой. Но если у П. Чайковского «Детский альбом» связан очевидной сюжетной линией – день ребенка от утренней молитвы до сказки няни на ночь,

то у М. Плетнева несколько иной принцип создания целого. Это близкий импрессионистам метод фиксации сиюминутного – не столько самого события, сколько эмоционального отклика на него. И хотя достоверных сведений о том, что стало толчком к созданию цикла и какие идеи-образы автор хотел воплотить в нем, обнаружить не удалось, однако, гипотетически можно предположить, что это альбом, презентующий яркие детские воспоминания-картины. В таком контексте звучание «Детских песен» М. Плетнева на авторском юбилейном концерте словно символизирует закольцованность времени, мысленный возврат и проживание заново впечатлений детства, которые в жизни каждого человека навсегда остаются целостностью, организованной теплотой эмоционального переживания и конгломератом ощущений – запахов, вкусов и, конечно же, речевых и музыкальных интонаций. Отсюда и возникает, на наш взгляд, осознанная или, может быть, неосознанная апелляция к жанрово-интонационным основам советской песни.

Теплый, яркий, театральный цикл детских песен состоит из десяти миниатюрных хоровых эпизодов, разворачивающихся перед нами вернисажем картин. Здесь мы можем видеть пейзажи («Алло», «Барашки», «Сосны», «Кактус»), портреты («Лягушка с горячим сердцем», «Муха») или картины городской жизни («Карнавал», «Витрина», «Волшебная страна»). Поэтическая основа цикла, складывающаяся из коротких, но при этом очень содержательно ёмких, даже по-детски философских стихов Р. Сефа, в юмористической легкой манере раскрывает перед слушателями целый мир детства через специфический жанр стишков-потешек.

Основными чертами цикла можно назвать персонажность и театрализацию образов, которая проявляется на всех уровнях художественной материи. Трактовка музыкальных номеров как сценок-зарисовок корреспондирует творчеству М. Мусоргского (прежде всего, циклу «Детская»). Подтверждает правомочность такой ассоциации интонационно-речевая природа мелодической линии, что особенно заметно в № 4 «Кактус» и № 7 «Муха».

Образный мир цикла составляют картины природы – стихии, растения, животные, увиденные глазами детей, а также игровая сфера как воплощение фантазийности, открытости и искренности детского восприятия («Карнавал», «Витрина», «Волшебная страна»). Не случайно, под «волшебной страной» автор понимает

не столь привычную сегодня виртуальную картину из области фэнтези, а реально-реалистический образ цирка – волшебства рядом с нами. Отметим, что значительная роль в партитуре цикла «Детские песни» отведена группе духовых инструментов, которые не только как нельзя лучше имитируют различные звуки природы, но и создают дополнительную аллюзию из детства – знакомые каждому праздничные духовые оркестры, как еще одна отсылка к своеобразной карнавальности.

Цикл «Детские песни» не подчиняется принципу темпового контраста: композитор отдает предпочтение средним и медленным темпам. Такой подход, в свою очередь, акцентирует внимание на донесении вербального текста до реципиента. По сути, быстрыми являются лишь № 2 «Барашки», № 5 «Карнавал», № 10 «Волшебная страна» и примыкающий № 9 «Витрина» (подвижный). Вместе с тем, целостность композиции усиливается драматургическими арками. Так, дуэт мальчиков (№ 5) словно отражается в дуэте девочек (№ 10), а покачивающийся аккомпанемент «Колыбельной» (№ 8) заставляет вспомнить «морской рельеф» из «Алло» (№ 1), воссозданный сходными фактурными средствами.

Для каждого номера М. Плетнев находит собственную палитру выразительных средств. Так, звонок к Черному морю в «Алло» (№ 1) воплощается при помощи баркарольного фортепианного аккомпанемента (построенного на типичной формуле – движение по звукам разложенных трезвучий и их обращений) и мягкого звучания скрипок. Возникающий эффект прозрачности фактуры словно воссоздает кристальную чистоту морской воды. Продолжают «морскую» тему «Барашки» (№ 2), где преобладает этюдная фактура, оформленная в *a la* скерцозной стилистике и имитирующая пенящиеся гребешки морских волн. Унисонное хоровое звучание с элементами имитационной полифонии характеризует «Сосны» (№ 3). Здесь минимализировано оркестровое сопровождение. В результате избранного композиторского решения возникает эффект *quasi* готического пространства: высота, стройность, вечность. Удачно дополняет созданный образ «холодный» тембр солирующей флейты. Особым восточным колоритом, который презентуют интерлюдия и постлюдия, отличается «Кактус» (№ 4). В основном разделе подчеркивается интонационно-речевой аспект мелодии, что усиливается избранной формулой сопровождения – маршевый аккомпанемент

оркестровых шагов-pizzicato. В «Карнавале» (№ 5) М. Плетнев задействует диалогическую манеру высказывания хора и дуэта солистов. Такой прием позволяет реализовать принцип калейдоскопичности на коротком временном отрезке. Иначе партия хора трактуется в «Лягушке с горячим сердцем» (№ 6), где он выступает в роли рассказчика-комментатора. Основная манера исполнения речитативная. Неожиданным предстает и избрание медленного темпа. Эффект персонажности оркестровых тембров возникает благодаря использованию форшлаговых переключек между разными инструментами. Юмористической зарисовкой предстает «Муха» (№ 7), наиболее ярко в цикле продолжающая традиции детской музыки М. Мусоргского. Здесь рельефно воплощается музыкальная театрализация. Например, фразу «муха на слона» озвучивает колоритно-неуклюжий ход низких медных духовых (тубы). Характерные покачивающиеся народно-песенные интонации составляют основу «Колыбельной» (№ 8), как в вокальной, так и в оркестровой партиях. Джазовая манера высказывания определяет облик «Витрины» (№ 9). Здесь и специфический интонационный мир, и показательный синкопированный ритмический рисунок, и особая роль медных духовых инструментов (что позволяет вспомнить джаз-бэнды). Завершает цикл «Волшебная страна» (№ 10), посвященная цирку. Композитор обращается к дуэту девочек разного возраста – младшего и старшего поколения. Избираемые маэстро художественные приемы направлены на воссоздание особого финально-праздничного образа, выступающего в контексте целого символом радостно-детского восприятия мира, способности искренне удивляться, восхищаться и смеяться, то есть тому, что очень часто утрачиваем мы – взрослые.

Выводы. Цикл «Детские песни» в полной мере отражает базовые параметры стиля музыкального творчества М. Плетнева, среди которых и симфоническое мышление, ставшее одной из показательных черт его композиторского творчества. Многолетний опыт работы с оркестром позволил композитору создать яркую, насыщенную тембрами и фактурой партитуру, не перегружая её звучностью и не перекрывая тонкие детские голоса.

Основной чертой всего цикла и каждой миниатюры в частности, можно назвать предельную наглядность, характерную, пожалуй, для всего свода так называемых «детских» произведений. Такая

звукотворительная манера музыкального письма, музыкальных интонаций, типична для стиля компози-
сформированная на синтезе речевых оборотов и му- торского творчества М. Плетнева в целом.

Список литературы

1. Катрич О. Т. Індивідуальний стиль музиканта-виконавця (теоретичний та естетичний аспекти): дис. ... канд. мистецтвознавства: 17.00.03. – Музичне мистецтво – Київ, 2000. – 173 с.
2. Кривицкая Е., Плетнёв Михаил. «В искусстве границ не существует...». URL: <https://www.belcanto.ru/07041901.html> (дата обращения 15.06.2020).
3. Москаленко В. Г. Лекции по музыкальной интерпретации: Учебное пособие. – Киев, 2013. – 272 с.
4. Первый канал. Телепроекты. Вып. Михаил Плетнев. Интервью взял В. Познер. URL: <https://pozneronline.ru/2019/08/26091/> (дата обращения 05.11.2018).
5. Плетнев М. В. Кто дирижирует грантами? О сложных отношениях государства и культуры. Интервью взяла Ирина Муравьева. Российская газета, 2010. – 12 март.
6. Плетнев М. В. Нефть или Чайковский? Что волнует Михаила Плетнева в рос. жизни и культуре. Интервью взяла Ирина Муравьева. Российская газета, 2013. – 13 сент.
7. Сухленко И. Ю. Исполнительский стиль Владимира Горовица в русле развития романтической традиции: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.03 – Музичне мистецтво / Харківський нац. університет мистецтв ім. І. П. Котляревського. – Харків, 2011. – 207 с.
8. Токарева Л. Х. Музыкальные открытия Михаила Плетнева. – Москва: Издательство «Известия», 2009. – 264 с.

Информация об авторе

Ковтонюк Валерия Леонидовна, аспирантка кафедры интерпретологии и анализа музыки
Харьковского национального университета искусств имени И. П. Котляревского
E-mail: lera_leonteva@ukr.net; tel: +38093-028-10-28
ORCID: 0000-0002-4369-188X

B. L. KOVTONIUK¹,

¹ *Kharkiv National University of Arts named after I. P. Kotlyarevsky*

CYCLE “CHILDREN’S SONGS” BY MICHAIL PLETNEV: ANALYTICAL STUDIES

Abstract

Purpose: to identify the basic parameters of the style of musical creativity M. Pletnev.

Methods: the basis of the study is an integrated approach, which is based on historical, genre-style, comparative interpretation, intonation-dramatic methods.

Results: The setting of the study was the statement that a holistic understanding of the style of M. Pletnev’s musical creativity is impossible without studying the interaction and interpenetration of the main types of his activities – the pianistic and conducting hypostases of the musician, and their influence on the formation of his compositional style. In the course of the work it was shown that the specificity of M. Pletnev’s musical thinking is largely explained by the universalism of his personality.

Scientific novelty: on the example of the cycle “Children’s songs” the basic parameters of the style of M. Pletnev’s musical creativity are considered for the first time. The semantic and compositional parameters of the concept of the cycle “Children’s Songs” are determined: graphic clarity of texture and harmony of architectonics, sound quality

of writing, intimacy, irony, a subtle understanding of the technological and timbre-coloristic possibilities of various instruments and orchestral groups in general.

Practical significance: research materials can be used in pedagogical practice, in particular, in courses on the analysis of musical works, theory and history of performing art, as well as in direct composer and performing practice in solving problems of artistic interpretation.

Keywords: M. Pletnev, style of musical creativity, composer activity of M. Pletnev, cycle “Children’s songs” by M. Pletnev.

For citation: Kovtoniuk B.L. Cycle “Children’s Songs” By Michail Pletnev: Analytical Studies, 2020. No. 7–8. – P. 3–9. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-7.8-3-9>

References:

1. Katrich O. T. Individual style of the musician-performer (theoretical and aesthetic aspects) (Individual’nij stil’ muzikanta-vikonavcja (teoretichnij ta estetchnij aspekti)) Diss. ...Cand. Degree of Ph.D. in Arts: 17.00.03 – Musical Arts.– Kyiv. 2000. (in Ukrainian).
2. Krivitskaya E., Pletnev Mikhail. “There are no borders in the art ...” // Mikhail Pletnev: “V iskusstve granic ne sushhestvuet ...” // 2007. Available at: URL: <https://www.belcanto.ru/07041901.html> (Accessed 15 June 2020). (in Russian).
3. Moskalenko V. G. Lectures on Musical Interpretation: A Study Guide. (Lekcii po muzykal’noj interpretacii: Uchebnoe posobie) – Kyiv. 2013. (in Russian).
4. Pershyi kanal. TV projects. Issue by Mikhail Pletnev. Interview by V. Pozner. (Teleproekty. Vyp. Mihail Pletnev. Interv’ju vzjal V. Pozner). Available at: URL: <https://pozneronline.ru/2019/08/26091/> (Accessed 05, Nov. 2018). (in Russian).
5. Pletnev M. V. Who conducts the grants? About the complex relationship between the state and culture. (Kto dirizhiruet grantami? O slozhnyh otnoshenijah gosudarstva i kul’tury.) Interview with Irina Muravyeva. (Interv’ju vzjala Irina Murav’eva). Rossijskaja gazeta. 2010. (in Russian).
6. Pletnev M. V. Oil or Tchaikovsky? What worries Mikhail Pletnev in Russian life and culture (Neft’ ili Chajkovskij? Chto volnuet Mihaila Pletneva v ros. zhizni i kul’ture). Interview with Irina Muravyeva. (Interv’ju vzjala Irina Murav’eva). Rossijskaja gazeta. 2013. (in Russian).
7. Sukhlenko I. Yu. Performing style of Vladimir Gorovits in line with the development of romantic tradition. (Ispolnitel’skij stil’ Vladimira Gorovica v rusle razvitija romanticheskoy tradicii). 2011. Diss. ...Cand. Degree of Ph.D. in Arts: 17.00.03 – Musical Arts. – Kharkiv: Kharkivskyi National Kotliarevsky University of Arts. (in Russian).
8. Tokareva L. Kh. Musical discoveries by Mikhail Pletnev. (Muzykal’nye otkrytija Mihaila Pletneva). – Moscow: Izdatel’stvo “Vesti”. 2009. (in Russian).

Information about the author

Kovtoniuk Valeriia, Postgraduate Student, Department of Interpretation and Analysis of Music, Kharkiv National University of Arts named after I. P. Kotlyarevsky.

E-mail: lera_leonteva@ukr.net; tel: +38093–028–10–28

ORCID: 0000–0002–4369–188X

History and archaeology

История и археология

Е. Ю. ТОМСЕТТ¹,

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

РЕАКЦИЯ НА ОТРЕЧЕНИЕ КОРОЛЯ ЭДУАРДА VIII В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация:

Цель: Целью данной статьи является рассмотрение общественной реакции на отречение короля Эдуарда VIII в Великобритании: британской публики, королевской семьи, представителей придворных кругов, общественных и политических деятелей и англиканской церкви.

Методы: Конкретно-исторический или идеографический (нарративный) метод исследования, воспроизведения и оценки событий периода отречения.

Результаты: Выявлены особенности реакции на отречение среди населения Великобритании, которые позволяют заключить, что она не была однозначной: так, реакция рабочего класса различалась от реакции среднего класса, которая была продиктована оппозиционной королю англиканской церковью и поддержана королевской семьей, а также, за некоторыми исключениями, аристократией и придворными кругами Великобритании.

Научная новизна: Статья представляет собой подборку и анализ мнений современников событий отречения Эдуарда VIII в Великобритании, которые, насколько нам известно, впервые публикуются на русском языке.

Практическая значимость: Материалы, представленные в статье, могут быть использованы в преподавательской практике, а также в дальнейших исторических исследованиях, посвященных кризису монархии 1936 года в Великобритании.

Ключевые слова: отречение Эдуарда VIII, кризис монархии 1936 года в Великобритании, миссис Уоллис Симпсон, Георг VI, герцог и герцогиня Виндзор.

Как цитировать статью: Томсетт Е. Ю. Реакция На Отречение Короля Эдуарда VIII В Великобритании // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, No. 7–8. – Р. 10–21. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-7.8-10-21>

Введение

В декабре 1936 года, пробыв на троне Объединенного королевства Великобритании чуть меньше года, король Эдуард VIII отрекся от престола для того, чтобы жениться на разведенной американке миссис Уоллис Симпсон. Несмотря на то, что в действительности, причины отречения короля были намного глубже, в истории отречения и кризиса монархии 1936 года, вопреки стараниям своих противников, Эдуард VIII остался верен своему публичному имиджу, созданному в течение того периода времени, когда он представлял в мире символ Британской монархии – хариз-

матичного, современного, прогрессивного Принца несостоявшейся “новой эры мира и надежды” [20, 1]. Неудивительно, что общественная реакция мирового сообщества на отречение молодого короля, пробывшего на троне чуть меньше года, была неоднозначной.

Американская пресса с энтузиазмом писала об отречении как о романтическом жесте отказа короля от трона ради любви, впечатленная фактом того, что Уоллис была американкой. На фоне развернувшегося с начала XX века движения за равноправие женщин, новеллист А. Синклер не скупился на похвалы королю: «Одним великолепным жестом Вы сделали больше

для возвышения женского достоинства и определения места женщины в обществе, заслуженного ими по праву, чем многие другие великие люди были в состоянии сделать путем долгих и кропотливых усилий» [23, 3].

Однако в то время как общественное мнение в США искренне и бурно переживало события, связанные с эффектным жестом английского короля, реакция Европы была несколько настороженной. В Европе многие небезосновательно полагали, что король был вынужден отречься от престола под давлением. По крайней мере, этой точки зрения придерживалась Германия. 2 января 1938 г. Риббентроп докладывал Гитлеру, что Эдуарда VIII вынудили отречься от престола, поскольку у членов правительства не было уверенности в том, что, вследствие своих политических взглядов, он сможет отстаивать антигерманскую политику [12, 217]. Г. Геринг говорил своей жене, что миссис Симпсон была использована как предлог для того, чтобы избавиться от короля [22, 265–266]. А. Гитлер полагал, что настоящей причиной для уничтожения герцога Виндзора была его речь на встрече ветеранов в Берлине, в которой он заявил, что целью его жизни будет способствовать примирению Британии и Германии [14, 551]. В США и Европе эта речь Эдуарда VIII была растиражирована и продавалась газетчиками на каждом углу, в то время как в Британии она была запрещена к публикации. *«Это просто поразительно, – отмечал Дж. Гантер, – что страна, которая традиционно гордится свободой слова и беспристрастностью, допустила эту глупую цензуру, которая запретила тиражирование речи принца; копии текста этой речи невозможно купить нигде в Англии. Конечно, правящие классы, из всех сил пытаясь сделать имидж герцогу Йорку, сделали все для того, чтобы раз и навсегда похоронить Эдуарда и память о нем»* [13, 305].

Современные исследования не оставляют сомнений, что Эдуард VIII, стесненный жесткими рамками конституционной монархии, отказался от трона по собственной воле. Тем не менее, роль американской прессы и прессы Великобритании в освещении событий отречения была велика. В то время как публикации американской прессы способствовали обострению «кризиса» монархии в Великобритании, британская пресса стремилась заручиться поддержкой общественного мнения с тем, чтобы использовать этот «кризис» для политического ослабления монархии, укрепления влияния Парламента и стабилизации ситуации в империи в переходный период.

Настоящая работа предлагает на рассмотрение краткий обзор и анализ общественной реакции на отречение короля Эдуарда VIII в Великобритании, включая мнение и позицию собственно британской публики, королевской семьи, представителей придворных кругов, общественных и политических деятелей и англиканской церкви.

Реакция на отречение Эдуарда VIII в Великобритании

Отречение молодого и любимого в народе короля стало шоком для простых граждан Великобритании. Всего лишь неделю до отречения почти никто в стране, за исключением правительства, аристократии и придворных кругов не знал, кто такая миссис Симпсон. Конечно, некоторые из немногих, кто имел родственников в Америке или в Европе, читали зарубежную прессу, которая взахлеб обсуждала историю взаимоотношений принца и миссис Симпсон, но большинство законопослушных англичан оставались абсолютно не осведомленными о том, что происходит. Неудивительно, что когда правда в конце концов выплеснулась на полосы британских газет, реакция населения в Великобритании была намного сложнее и негативнее, чем за рубежом.

Реакция рабочего и среднего класса

Бедные слои населения и рабочие Великобритании готовы были поддержать своего короля, сделавшего так много для исправления условий их жизни и труда, но, несмотря на многочисленные народные митинги и демонстрации в поддержку короля [33, 1–15], никто не собирался предоставлять им права голоса в принятии решений по поводу отречения.

Представители среднего класса в Великобритании были однозначно против отношений короля с американкой. Причиной этого объявлялись моральные и религиозные соображения. Для среднего класса американка Уоллис Симпсон, говоря словами К. Блэквуд, *«была олицетворением секса и зла»* [3, 3]. Американский консул в Плимуте рапортовал государственному секретарю, что британцы возражают против брака короля с Уоллис не потому, что она американка, и даже не потому, что она разведена. Скорее, продолжает он, британцы рассматривают всю историю, которая вела ко второму разводу, слишком близкой к фарсу, чтобы принять ее. Средний класс, который включал в себя стойких нон-конформистов и большинство сторонников англиканской церкви, составлял главную оппозицию желанию короля жениться на американке.

Многие из представителей среднего класса «открыто говорили о том, что было бы правильным, если бы король последовал примеру своих предков, английских королей, и сделал миссис Симпсон своей любовницей. Они были не в состоянии осознать все лицемерие этой позиции, поскольку одновременно с этим в один голос утверждали, что король должен быть моральным примером для своих подданных» [15, 242]. Таким образом, общественное мнение среднего класса, сформированное средствами массовой информации [21, 1–33], было целиком и полностью на стороне С. Болдуина и правительства, которые проводили процедуру отречения короля. О значении позиции редактора газеты «Таймс» в обеспечении отречения не раз упоминалось как современниками, так и историками, изучающими события кризиса монархии 1936 года [20, 95–98; 33, 86; 1, 95–98; 2, 160].

Реакция англиканской церкви

Реакция англиканской церкви, с которой у молодого короля сложились непростые отношения из-за его божемного стиля жизни [33, 134], также была предсказуема. В то время как многие священнослужители, касаясь темы отречения, с христианским смирением уповали на будущее, были и такие, в проповедях которых христианская добродетель подверглась заметному испытанию. Архиепископ Йорка, например, указал на «достойную сожаления, унижительную историю» королевского решения отказаться от трона из-за «жены другого мужчины», добавив, что «мужчина с достоинством действовал бы по-другому» [15, 244]. Епископ Плимута, Ф. Патридж, сделал более резкое заявление: «События показали крепость английской души и ее отвращение от дьявольских соблазнов. Почти повсеместно нация содрогнулась от недостойного и неподобающего поведения, не подчиняющегося никаким законам, образец которого был нам представлен. Англичане не допустят этого. Они ненавидят фарисейство и останутся верными принципам порядочности. Они обладают чувством долга, которое подобает высказывать в священных местах и великих делах, и они не допустят опрометчивого скольжения в пропасть бесчестия и позора» [15, 244]. Однако самое жестокое осуждение поведения короля исходило от Космо Ланга, архиепископа Кентерберийского, который был наиболее активным врагом молодого короля: «От Бога он получил свое высокое происхождение и священное доверие», – заявил в своей проповеди он. – Но это по своей воле он отрекся от престола – и предал это доверие. С характерной

для него открытостью он сказал нам о своих мотивах. Это было стремление к личному счастью. Было бы странным и вызывающим сожаление одновременно, если бы подобный мотив, даже исходящий из глубины его сердца, не разочаровал бы столь великие надежды и не отринул доверие в такой степени. Еще более странно и вызывает сожаление то, что он рассматривает свое счастье в манере, не соответствующей христианским принципам брака, а в правилах того социального круга, чьи стандарты и стиль жизни чужды лучшим инстинктам и традициям его подданных. Дадим знать тем, кто принадлежит к этим кругам, что нация, которая любила своего короля, осуждает их» [17, 145].

Хотя общественное мнение Великобритании не одобряло отречение короля Эдуарда VIII, всего лишь немногие полагали, что архиепископ прав, обличая короля в столь публичной манере. Его официальную резиденцию, Ламберт-Палас, завалили гневными письмами, в которых выражалось недовольство по поводу его выпадов в адрес бывшего короля [9, 321]. Королевская семья, между тем, поддержала это публичное унижение, демонстрируя, что они не разделяют точку зрения народа, о котором они так много говорили. Королева Мэри немедленно написала архиепископу, поздравляя его по поводу произнесения столь сильной речи [34, 293]. Королева Элизабет, которая так недавно писала теплые, понимающие письма Эдуарду VIII («дорогому Дэвиду») также стала яркой поклонницей речи Ланга. Сохранилось ее письмо В. Казалету, в котором она пишет: «Я не думаю, что архиепископ не сумел выразить **правильное** мнение. Она (королева Мэри) полагает, что он сказал именно то, что должен был сказать и благодарна ему за это. Вся **семья** думает так же. Я полагаю, что вся нация смутно ощущает это, но он выразил эту мысль так хорошо, как никто другой. В наше время мы склонны порой к колебаниям относительно принципиальных вещей, и я придерживаюсь мнения, что хоть раз кто-то должен сказать вслух и напрямую то, что, в конце концов, является правдой» [28, 188–189].

Реакция королевской семьи

Покидая Англию и отправляясь в изгнание после своего отречения в пользу младшего брата Альберта (Берти), ставшего новым королем под именем Георга VI, бывший король Эдуард VIII увозил с собой лицемерные письма поддержки и любви от многих членов семьи, включая его золовку, новую королеву Элизабет. Только старая королева Мэри осталась по-

обыкновенно честной, ограничившись холодным посланием к своим подданным: *«Мне нет нужды говорить о том горе, каким наполнено материнское сердце, когда я думаю о том, что мой дорогой сын отрекся от того, что было его долгом, и сложил свои королевские обязанности, и что правление, которое начиналось, полное стольких надежд и обещаний, так неожиданно пришло к концу. Я знаю, что вы поймете, чего стоило ему прийти к такому решению, и что, вспоминая годы, которые он посвятил безответному служению своей стране и империи, вы сохраните благодарное воспоминание о нем в своих сердцах»* [16, 154].

О том, что тон в отношении к Эдуарду VIII среди членов королевской семьи задавала именно королева Мэри, свидетельствует, в числе прочего, и одно из ее писем, которое она написала вскоре после отречения принцу Павлу, регенту Югославии: *«На днях, в моем присутствии, Берти (Георг VI – Е.Т.) сказал Джорджу (младший брат короля Георга – Е.Т.), что он не хочет, чтобы он и Марина встречались с леди Кэнард, а Джордж сказал, что он не собирается следовать его приказам. Я полагаю, что эта леди принесла Дэвиду (королю Эдуарду VIII – Е.Т.) много зла, поскольку нет никаких сомнений, что одно время она являлась большим другом миссис Симпсон и давала приемы в ее честь. При таких обстоятельствах, думаю, никто из нас, я имею в виду членов общества, не должен встречаться с нею. Я уверена, что ты согласишься, что никто не должен принимать ее после того, что случилось, и я надеюсь, что Джордж и Марина не будут дружить с определенными личностями, которые, увы, были друзьями миссис Симпсон, леди Кэнард и Давида... Можешь себе представить, я очень настаиваю на этом...»* [15, 249].

Как показывает это письмо, королева Мэри не колебалась использовать эмоциональный шантаж для того, чтобы установить остракизм для друзей ее старшего сына. Принц Павел, который постоянно посещал рисовальный салон леди Кэнард, несомненно, правильно понял намек королевы, поскольку присоединился к легиону тех, кто стал избегать леди Кэнард любыми путями. Сэр Ч. Чэннон с сожалением отзывался о кампании травли бывшего короля и миссис Симпсон, которую возглавила королева Мэри: *«Определенно, она и придворные круги ненавидели Уоллис Симпсон до истерики, но их отношение не было справедливым; зачем преследовать ее сейчас, когда все уже закончено? Почему бы не дать герцогу Виндзору, который так много потерял, быть просто счастливым? Лучший совет для них быть*

хотя бы цивилизованными, если им не хватает мужества быть сердечными» [10, 158]. Но старая королева, задав тон, которому будет следовать вся королевская семья десятилетиями, отказывалась идти даже на малейшие уступки. Через год после отречения, отвечая на вопрос репортера, когда ее старший сын вернется в страну, она все так же непримиримо заявила: *«Когда придет на мои похороны»* [10, 237].

Леди Айрис Маунтбаттен, пра-правнучка королевы Виктории, вспоминала: *«Жесткая определенность, с которой Дэвид... исчез из мыслей и даже памяти была потрясающей. Я почти ожидала, упоминая его имя, что я получу в ответ реплику: «Кто это?» Тетя Мэй (королева Мэри – Е.Т.)... фактически, казалось совсем не переживала о потере своего старшего сына ... Ее отношение к происходящему можно было попросту определить словами: «Я не представляю, что кто-либо может ожидать от меня понимания или одобрения этого»». Такое жестокое отношение сильно расстроило леди Айрис: «Я думаю, что больше всего меня шокировало в этих людях то, что они не были в состоянии, не стремились и не хотели позволить себе начать понимать или думать о чем-то с симпатией. Я вернулась домой с чувством, которое я всегда испытывала, что моя семья никогда не строила своих семейных взаимоотношений на любви или человеческих чувствах»* [15, 246].

Ф. Зиглер [34] полагал, что причиной подобного поведения стало сильное потрясение, которое испытала королевская семья. Отречение Эдуарда VIII стало для них настоящей трагедией, оно означало отрицание всех основных принципов, которые веками воспитывались в каждом члене королевской семьи: лояльности, чести, традиции и долга. Возможно, никто из них до последней минуты не верил в реальность отречения короля, но когда оно все-таки состоялось, они с трудом осознали все его значение, и просто не могли себя заставить понять или смириться с этим. И то, что причиной этого потрясения явилась дважды разведенная американка, только обостряло это чувство публичного позора, которое они испытывали перед лицом всей нации.

Новый король ощущал себя чрезвычайно уязвимым по сравнению со своим старшим братом, любимым до этого всей страной и хорошо известным за границей [27, 16; 29, 37–65; 25, 529–543]. Его заниженная самооценка заставляла его без конца сравнивать свое поведение с поведением брата,

находившегося в ссылке, обаятельного и харизматичного, каким всегда был принц Уэльский, а затем король Эдуард VIII. Как известно, Георг VI страдал от заикания, которое, несмотря на все усилия преодолеть его, так и оставалось для него постоянным и нежеланным спутником. Он был застенчив и обладал сложным характером и темпераментом, чувствовал себя нервным на публике, был менее интеллигентным и обладал не столь выдающимися, как его старший брат, личностными качествами. Историки могут поспорить с утверждением, что Георг VI был совершенно неподготовленным к его новой роли короля. По имеющимся сведениям, в самом начале своего правления Эдуард VIII начал приобщать его к ведению государственных дел: он получил доступ к определенным секретным правительственным бумагам и телеграммам [8, 157], но Георг не высказывал желания к ведению государственных дел. Как указывал Ф. Дональдсон: *«Никто, хотя и можно понять чувства герцога Йоркского, когда он вступал на трон, не может сильно симпатизировать ему из-за его стремления игнорировать государственные бумаги, частично из-за того, что, как король, он будет иметь первоклассный секретариат, чтобы инструктировать его и давать ему советы, но даже более всего потому, что его долг «советовать, поощрять и предупреждать» таков, что ему можно научиться только в действии, а не наблюдая за этим со стороны, предоставив все на самотек»* [12, 129]. Весьма чувствительный к своим недостаткам, Георг VI был одновременно подавлен и раздражен необходимостью принять на себя бремя обязанностей, связанных с наследования трона, и его антипатия к брату и Уоллис, поставивших его в такое положение, постепенно возрастала, находя выражение в ряде весьма резких высказываний в их адрес. В этом его поддерживала его жена, королева Элизабет, которая никогда не могла простить Эдуарда VIII и Уоллис Симпсон за то, что она рассматривала как *нежеланную ими ношу царствования*.

Реакция аристократии и придворных кругов

Если по своей самонадеянности или по своей наивности Эдуард VIII полагал, что когда весь шум и стресс отречения пройдет, он сможет вернуться в Англию и получить роль младшего брата при короле, то он сильно ошибался в этом. Несмотря на то, что в последние недели перед отречением, и даже в день, когда он покидал Англию, он все еще получал теплые,

любящие письма от Бerti и Элизабет, уверяющих его в их поддержке и понимании его чувств к Уоллис, эти сентиментальные чувства новой королевской четы продлились недолго. В ту же минуту, как Эдуард VIII покинул Англию, оба, королева Элизабет и Георг VI, стали его врагами. В результате, только оказавшись в ссылке, он, наконец, начал понимать, какую стойкую ненависть они питают к нему и Уоллис, и почувствовал себя преданным своей семьей, несмотря на то, что подозревал, что обе, королева Мэри и королева Элизабет, «выкручивали» руки слабовольному королю. В этом их поддерживали придворные, которые сомкнулись вокруг Георга VI. Аристократия и придворные круги Великобритании стали самыми непримиримыми врагами короля не только потому, что им не нравились реформы по демократизации британского общества, проекты которых составлял Эдуард VIII [34, 210], но и потому, что бывший король был независим и неуправляем [1, 14; 33, 70–71]. Поэтому они встретили отречение Эдуарда VIII с чувством облегчения и охотно поддержали рокировку «трудного» Эдуарда на более «покладистого» Георга. *«Почти невероятно, как моментально они вычеркнули его из жизни, – вспоминал один из бывших придворных, – Эдуард стал анафемой. Периодом. ... Было просто потрясающе, как быстро он превратился в персону нон-грата»* [15, 247]. Кроме того, и те и другие опасались, что находящийся в ссылке король может переменить свое решение и вернуться на родину, предъявив претензии на трон, поскольку в самой Великобритании у потерявшего титул Эдуарда VIII оставалось достаточно сторонников для того, чтобы поддержать его возможные претензии. Об этих совсем не казавшихся в то время эфемерными страхам и сомнениях свидетельствуют несколько эпизодов, описанных современниками событий в первые годы после отречения [30, 327].

Неудивительно, что А. Хардинг, один из самых ярых противников бывшего короля Эдуарда VIII при дворе, сохранил при Георге VI свою работу главного личного секретаря; а через два месяца после отречения он получил рыцарское звание. А. Ласцеллис, другой противник бывшего короля, также сохранил свои позиции при дворе как помощник личного секретаря и, шесть лет спустя, наследовал А. Хардингу на его посту. Второй помощник личного секретаря, сэр Годфри Томас, который симпатизировал королю, был переведен личным секретарем на службу герцогу Глостеру.

Среди друзей Эдуарда VIII и Уоллис Симпсон также не было единогласия в их реакции на отречение. В лондонских светских кругах, Эмеральд Кэнард и сэр Филипп Сэссон, в числе многих других, повернулись спиной к их бывшим друзьям; эта недостойная кампания травли бывшего короля и миссис Симпсон началась еще до отречения Эдуарда VIII и с большим размахом продолжилась после него [26, 283]. Частично, она нашла отражение в поэме О. Ситвелла. Озаглавленная «Неделя предателей», поэма стала потрясающим обвинительным актом всем бывшим друзьям и сторонникам короля, несмотря на то, что О. Ситвелл не был большим почитателем ни короля, ни миссис Симпсон, и скрытой тенденцией его поэмы был критицизм не только бывших друзей короля, но и самой пары, которая стала центром кризиса. Копии этой поэмы были отпечатаны частным образом и с большим успехом циркулировали в лондонских кругах благодаря усилиям миссис Р. Гревиль, смертельного врага короля и Уоллис Симпсон, но большого друга нового короля и королевы Элизабет.

Тем не менее, среди аристократии и в придворных кругах были люди, которые не желали участвовать в травле бывшего короля. Самыми влиятельными сторонниками Эдуарда VIII среди аристократии являлись лорд Бивербрук, владелец газеты «Дейли Экспресс» и «Дейли Мейл», и сэр У. Черчилль, член Парламента от партии консерваторов, который заплатил за свою преданность Эдуарду VIII многими годами пренебрежения в своей карьере государственного деятеля. Оставался лояльным обоим – бывшему королю и миссис Симпсон и другой депутат от партии консерваторов сэр «Чипс» Чэннон. В его дневниках сохранилось несколько записок, относящихся к тому времени, в одной из которых описывается следующий эпизод. В феврале 1937 г. на ужине, даваемом сэром Ч. Чэнноном, присутствовал У. Черчилль со своей супругой Клементиной, которая не разделяла поддержки мужем короля, но, тем не менее, понимала его чувство негодования против тех, кто разом отвернулся от их бывшего государя. Ч. Чэннон вспоминал: «За обедом лорд Гранард начал бестактные нападки на бывшего короля и миссис Симпсон, обращаясь к своей соседке по столу. Клемми Черчилль повернулась к нему и прямолинейно спросила: «Если вы так думаете, почему тогда вы приглашали миссис Симпсон в ваш дом и сажали ее по правую руку от себя?» После чего последовала долгая неловкая пауза» [10, 146].

Многие из друзей и придворных бывшего короля, сохранивших ему лояльность и выполнявших свои обязанности, подверглись гонениям. В качестве примера можно привести случившееся с лордом Перри Браунлоу, который по прямому указанию короля Эдуарда VIII сопровождал Уоллис во Францию. Лорд Браунлоу состоял в списках на зачисление на придворную службу. Его назначение должно было состояться в Букингемском дворце 21 февраля, уже при новом короле, Георге VI. На следующий день, тем не менее, он прочитал в придворном циркуляре, что маркиз Дю Феррин и Ава получил должность вместо него. Новый король даже не потрудился информировать его об этом. Когда лорд П. Браунлоу позвонил в королевский дворец, ему коротко ответили, что его имя больше никогда не будет упомянуто в циркулярах двора. Он потребовал разговора с лордом Кромером, главным камергером королевского двора. Когда тот подошел к телефону, он объяснил П. Браунлоу, что король любезно принял его отставку, хотя лорд Браунлоу никогда не подавал подобного прошения. «*Меня рассчитали, как нерадивого слугу, без уведомления, без предупреждения, без благодарности за службу, только потому, что я сделал то, что велел мне мой господин, последний король?*» – спросил он. «*Да*», – ответил Кромер бесстрастно, и повесил трубку» [10, 131]. Лорд Браунлоу бросил вызов королевскому двору и остался верен своему королю до конца своих дней. В Бэлтоне, его огромном доме в Линкольншире, одном из самых обширных поместий в Англии, в дни, открытые для посещений, посетители, проходя по залам и входя в библиотеку, бывают поражены при виде письменного стола и многочисленных полок, заставленных дюжинами фотографий герцога и герцогини Виндзор. Здесь также находится бюст бывшего короля Эдуарда VIII и единственный известный его портрет, сделанный во время его правления, принадлежащий кисти Ф. Солсбери. По иронии истории, в 1980 г. этот дом планировал купить принц Чарльз Уэльский, намереваясь сделать его своим загородным поместьем. Однако, после многочисленных дискуссий по этому поводу он предпочел купить Хайгроув-хаус в Глостершире [15, 536].

«*Так мы все в черном списке – Сазерленды, Мальборо, Стэнли?* – удивлялся сэр Ч. Чэннон. – *Я не могу поверить, что это королева Элизабет делает это. Она не может быть так глупа*» [10, 131]. Но по обыкновению хорошо информированный Ч. Чэннон в этом случае был неправ. Королева Элизабет,

объединившись в мощную силу со старой королевой Мэри, организовали настоящую кампанию против бывшего короля, словно поставив себе целью стереть саму память об Эдуарде VIII, чтобы таким образом наказать его самого, его американскую любовницу, и, одновременно, всех его друзей.

К этой кампании присоединились и королевские биографы. Одним из первых, кто начал писать о бывшем короле был Г. Болито. Его книга «Эдуард VIII. Его жизнь и правление» вышла в свет в марте 1937 г., через три месяца после отречения. Начатая еще перед отречением как официальная биография Эдуарда VIII, книга дала Г. Болито доступ к королевским архивам в Виндзоре и частной переписке членов королевского дома. Сохранилось два варианта отрывков из этой книги, один – написанный до отречения, второй – после отречения. В течение первой половины правления короля Эдуарда, главы из книги Б. Болито были опубликованы в журнале «Леже». После отречения Г. Болито быстро переписал целые главы его биографии в соответствии с новыми вкусами двора. Как заметил У.Б. Уэллс: «Его книга о короле Эдуарде является показательной с точки зрения демонстрации мнения двора и церковных кругов» [7, 7]. В одном из экстрактов, опубликованном до отречения, Болито, например, писал: «Газеты называли его ... Галахадом. Его голова не кружилась от таких похвал... в самом деле, как говорили, он ненавидел проявления его популярности и пытался все более и более избегать комплиментов и здравниц» [19, 136]. В последней, официальной версии книги этот пассаж звучал таким образом: «Газеты называли его ... Галахадом. Сначала его голова не кружилась от таких похвал. Он пытался бежать от лести и похвал... Хотя принц делал все, что от него требовалось, его скромность понемногу исчезала... Любая банальность, которую он изрекал, печаталась в газетах крупным шрифтом. Неудивительно, что он стал тщеславным, и эта поначалу не опасная черта постепенно выросла до опасных размеров, так что разрушила его самооценку и сделала его чересчур уверенным в себе; что, в свою очередь, привело его к потере способности понимать разницу между популярностью и реальностью» [19, 149]. В официальной версии книги Г. Болито, вышедшей после отречения, король был описан как «чрезвычайно упрямый и самодовольный от своей популярности», «потерявший рассудок неразумный мужчина», который был пленником его «фантастического тщеславия», «не имел друзей»

и «пришел к бедствию вследствие дезинтеграции его характера» [6, 237–267].

Реакция на брак Эдуарда VIII и Уоллис Симпсон

Последним актом трагедии стали события, связанные со свадьбой бывшего короля. 3 мая 1937 г. Уоллис Симпсон получила окончательный развод, неделю спустя, 11 мая, было объявлено об их обручении, а 16 мая подписан брачный контракт. После коронация Георга VI бывший король, а ныне герцог Виндзор продолжал надеяться на то, что, по крайней мере некоторые из членов его семьи согласятся приехать на его свадьбу, которая была назначена на 3 июня, день рождения его отца, короля Георга V. Он полагал, что имеет на это полное право: в конце концов, он был старшим из братьев и это был его первый брак. Более того, он хотел, чтобы его любимый брат, Джордж, герцог Кент, был шафером на его свадьбе. В отчаянной попытке вырвать эту уступку у Георга VI, он просил сэра Д. Форвуда поговорить с королем, но Георг VI остался непоколебим: «Я не могу допустить, чтобы мой старший брат поощрял моего младшего брата совершить нелегальный акт», – отвечал он (Interview with Sir Dudley Forwood) [15, 261]. Под влиянием королевы Мэри и королевы Элизабет, отношение к браку герцога Виндзора и Уоллис Симпсон как к чему-то нелегальному сохранялось в королевской семье до конца. Мелкая месть нового королевского двора бывшему королю, бывшему сыну и бывшему брату не ограничилась тем, что ни один из членов королевской семьи не согласился приехать на его свадьбу. Ими было сделано все для того, чтобы ни один из других родственников или друзей бывшего короля не смог посетить эту церемонию. 5 мая кузен Эдуарда VIII, лорд Луи Маунтбаттен с извинениями отклонил его приглашение на свадьбу, объясняя, что те, кто у власти, сделали все, что в было в их силах для того, чтобы никто из друзей герцога не смог приехать на его свадьбу [5, 18]. Какие бы чувства не испытывали члены королевской семьи по отношению к нынешнему герцогу Виндзору и Уоллис Симпсон, никто не ожидал, что королевская семья решится на такой поступок. Но желание наказать герцога Виндзора было слишком сильно. Когда сэр У. Александр, хранитель казны при Эдуарде VIII, заявил о своем намерении поехать на свадьбу, его прямо информировали о том, что если он сделает это, то потеряет свой пост [4, 338]. Остальным, включая лорда Браунлоу, официальные лица угрожали потерей офисов или постов, если они

намереваются ехать на свадьбу [34, 308]. Подобные угрозы могли исходить только от короля.

Исключительные трудности ожидали герцога Виндзора и в поиске священника для церемонии бракосочетания. «Герцог, – вспоминал сэр Д. Форвуд, – очень сильно хотел, чтобы его брак был освящен церковью, и благословлен церковью... вы просто не представляете себе огромный идеализм и священный трепет, с которым он относился к институту брака» (Interview with Sir Dudley Forwood) [15, 262]. Как известно, англиканская церковь запрещала браки между разведенными, если бывший супруг был еще жив. Когда преподобный Р.А. Джардин, викарий церкви Св. Павла в Дарлингтоне, индустриальном пригороде Дарема на северо-западе Англии, наконец, выразил желание совершить обряд бракосочетания короля, это был весьма мужественный поступок с его стороны. Как только намерения Джардина стали известны его непосредственному церковному начальству, епископ Дарема и архиепископ Йоркский попросту запретили ему проводить церемонию, а после того, как Джардин отказался повиноваться, архиепископ Кентерберийский пригрозил лишить его паствы. Но Джардин, тем не менее, не отступил от своего намерения.

По мере приближения дня бракосочетания бывшего короля общественный интерес к этому событию в мире все более возрастал. Поощряемая вниманием мировой прессы, газета «Дейли Экспресс» в редакторской статье от 22 мая писала, выражая мнение прогрессивной общественности: «Как это возможно, чтобы с герцогом Виндзором поступали таким жестоким образом? По мере того, как день его свадьбы приближается, целый ряд запрещений и угроз предпринимается против него и против тех, кто хотел бы показать ему дружбу и привязанность. Во-первых, церковь, к которой он принадлежит, отказалась санкционировать его брак. Основанием этого бойкота является то, что невеста принца – женщина дважды разведенная. Хотя в обоих случаях при разводе она была невинной и пострадавшей стороной. Англиканская церковь, и это правда, не одобряет развод. Далее, было выпущено запрещение на посещение церемонии членов королевской семьи, братьев и сестер, с которыми он вырос, с которыми он оставался друзьями даже после событий прошлого декабря. И, кроме того, есть еще его друзья и члены его кабинета, которые в настоящее время находятся на службе режима, который наследовал ему. Они были поставлены в известность, что

они должны были поступить «надлежащим образом» и находиться в «вынужденном отсутствии». На чем основываются подобные запрещения проявления личной дружбы? Разве герцог в какой-то степени нарушил закон? Нет. Разве он когда-либо навредил нашим конституционным законам? Нет. Так зачем же налагать такие исключительно жестокие формы ostracism на человека, который собирается жениться? Если это сделано для того, чтобы наказать миссис Уорфорд, то нужно указать, что она тоже не нарушала никаких законов страны. Миссис Уорфорд, согласно решению Британского суда, свободна выйти замуж, и конечно, она имеет право сделать это. Таким образом, мы снова возвращаемся к отношению оппозиции, которая принята на вооружение в этом случае лидерами церкви» (Editorial) [18].

Свадебным подарком короля Георга своему старшему брату стало то, что впоследствии будет названо «наиболее вопиющим актом дискриминации в истории королевской династии» [31, XXI–XXIII]. В письме, которое доставил герцогу Виндзору У. Монктон 27 мая, король Георг VI писал брату, что он проконсультировался с главами Доминионов и стран Империи, и все они выразили мнение, что после отречения он потерял королевский ранг и более не в состоянии использовать титул принца или «Его Королевского Высочества». Георг VI заявлял, что он лично не желает видеть своего брата прозябающим остаток жизни как простой мистер Эдуард Виндзор, и что он собирается выпустить королевское письмо-патент, восстанавливающее для брата титул «Его Королевского Высочества» принца Эдуарда, герцога Виндзора. Но он также заявил, что не может и не хочет дать подобный титул Уоллис, которая отныне будет именоваться просто герцогиней Виндзор. Никакой другой поступок короля Георга VI, направленный против него и Уоллис, не вызвал у бывшего короля такого чувства обиды и унижения, как это публичное оскорбление его жены. Подобное решение глубоко противоречило как принятой королевской практике, так и британским законам одновременно. Согласно британским законам, жена автоматически принимала статус мужа после брака; единственным исключением был случай, когда сама жена по происхождению была носительницей высшего титула. «Кто бы не был ответственным за лишение герцогини статуса Ее Королевского Высочества, он обеспечил ей уникальное место в истории, – писала знаток королевского этикета М. Эйлерс. – Ни одна женщина до

этого не принимала звание мужа, одновременно лишаясь его титула» [15, с. 265].

Выводы:

Представленное исследование позволяет сделать выводы, что реакция на отречение Эдуарда VIII среди населения Великобритании не была однозначной:

1. Реакция рабочих и бедных слоев населения разнилась от реакции остальных слоев общества – рабочий класс был однозначно и безусловно на стороне короля Эдуарда VIII, возлагая большие надежды на его реформы, направленные на улучшение положения рабочего класса и демократизацию британского общества.

2. Реакция среднего класса была обусловлена моральными и религиозными соображениями, которые опирались на традиции англиканской церкви и английского образа жизни, поддерживаемые средствами массовой информации. Согласно мнению среднего класса долг короля Эдуарда VIII состоял в том, чтобы отказаться от женитьбы на американке, но сохранить трон.

3. Реакция англиканской церкви была продиктована пренебрежением Эдуарда VIII светскими и церковными традициями, нежеланием короля считаться с мнением церкви и следовать веками установленным правилам взаимоотношений монарха и церкви. Англиканская церковь безусловно приветствовала отречение Эдуарда VIII, восприняв его желание жениться на разведенной американке как кульминацию вызыва-

ющего поведения короля, и в этом была поддержана королевской семьей Великобритании, озабоченной ослаблением политического авторитета монархии.

4. Реакция придворных кругов и аристократии была более сложной. Придворные круги, как и аристократическая элита, занимавшаяся политикой, оказались разделены, по меньшей мере, на две категории с возможными вариациями: с одной стороны, на личных друзей или личных врагов Эдуарда VIII; и, с другой стороны, на сторонников Эдуарда VIII как потенциально прогрессивного для Великобритании короля или противников короля Эдуарда VIII как олицетворения радикальных реформ по демократизации английского общества.

Заключение

Обобщая вышесказанное, хочется отметить, что, несмотря на огромное количество литературы, посвященной отречению Эдуарда VIII и постоянно повторяющийся мотив его связей с гитлеровской Германией, тема британского Принца, отказавшегося от трона во имя любви, продолжает вызывать интерес историков и широкой публики. Одной из причин подобного интереса, наряду с его невероятной популярностью в Великобритании в первой половине XX века, возможно, является то специфически негативное отношение, которое сформировалось в отношении к нему в его собственной стране и поддерживается его собственной семьей, отношение, превратившее его в пострадавшего – романтического Принца-Изгнанника.

Список литературы

1. Beaverbrook Lord. The Abdication of King Edward VIII. – London, Hamish Hamilton Ltd., 1966.
2. Birkenhead F. W. F. S. Second Earl of. Walter Monckton: The Life of Viscount Monckton of Brenchley. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1969.
3. Blackwood C. The last of the Duchess. – New York: Pantheon Books, 1995.
4. Bloch M. The Duke of Windsor's War. – New York, 1983.
5. Bloch M. The Reign and Abdication of Edward VIII. – London, Transworld Publishers Ltd., 1990.
6. Bolitho H. Edward VIII: His Life and Reign. – London: London Eyre and Spottiswood, 1937.
7. Bolitho H. Century of British Monarchy (trans. by W. B. Wells). – London: Longmans, 1951.
8. Bradford S. The Reluctant King: The Life & Reign of George VI, 1895–1952. (reprint) – New York: St. Martin's Press, 1990.
9. Bryan J. & Murphy C. J. V. The Windsor story. – New York: William Morrow, 1979.
10. Channon H. (ed. R. Rhodes James) Chips: The Diaries of Sir Henry Channon. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1967.
11. Cretney S. Edward, Mrs Simpson and the Divorce Law. History Today, 53/9. 2003. – P. 26–28.
12. Donaldson F. Edward VIII. – London: Wiedenfeld & Nicolson, 1974.
13. Gunther J. Inside Europe. – New York, 1936.
14. Hitler A. Mein Kampf (translated by R. Manheim). – New York: Houghton Mifflin, 1943.

15. King G. The Duchess of Windsor.– New York: Citadel Press, 1999.
16. Laird D. How the Queen Reigns.– London: Hodder & Stoughton, 1959.
17. Lockhart J. G. Cosmo Gordon Lang.– London: Hodder and Stoughton, 1949.
18. London Daily Express, 27 May, 1937. Editorial.
19. Mackenzie C. The Windsor Tapestry.– London: Chatto and Windus, 1952.
20. Mc Cary B. Press, Politics and the Abdication of Edward VIII. Department of History, Loyola University,– New Orlean. 1995–96.
21. Mort F. Love in a Cold Climate: Letters, Public Opinion and Monarchy in the 1936 Abdication Crisis. *Twentieth century British History*, 25/1. 2013.– P. 1–33.
22. Mosley L. The Reich Marshall: A Biography of Hermann Goering.– New York: Dell Publishing, 1975.
23. New York Evening Journal, 12 December, 1936.
24. New York Journal-American, 3 June, 1962.
25. Nym Mayhall L. E. The Prince of Wales Versus Clark Gable: Anglophone Celebrity and Citizenship Between the Wars. *Cultural and Social History*, 4/4, 2015.– P. 529–43.
26. Nicolson H. Diaries and Letters, 1930–1939.– New York: Atheneum, 1966.
27. Prochaska F. A. Prince in the Promised Land. *History Today* 58,– 12, 2008.– P. 14–20.
28. Rhodes James R., Victor Cazalet A., Portrait L.– Hamilton, 1976.
29. Sapire H. Ambiguities of Loyalism: the Prince of Wales in India and Africa, 1921–2 and 25'. *History Workshop Journal*, 73/1, 2012.– P. 37–65.
30. Stevenson F. Lloyd George: A Diary (ed. A. J. P. Taylor).– London: Hutchinson, 1971.
31. Townend P. Thomas Burke's Peerage, Baronetage and Knightage. 104th Edition. L., Burke's Peerage, 1967.
32. Vickers H. Elizabeth, the Queen Mother.– London: Arrow Books, 2006.
33. Williams S. The People's King. The True Story of the Abdication.– London: Penguin Books, 2002.
34. Ziegler P. King Edward VIII.– New York: Alfred A. Knopf, 1991.

Информация об авторе

Томсетт (Советкина) Елена Юрьевна, кандидат исторических наук (Россия), доктор психологических наук (Великобритания), доцент кафедры всеобщей истории, Самарский государственный социально-педагогический университет (СГСПУ).
Адрес: 443099, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.
E-mail: elena.c.sovetkina@bath.edu; elle.tomsett@mail.ru; tel.: +7 (846) 958–66–68
ORCID: 0000–0002–1338–7633

E. Y. TOMSETT¹,

¹ *Samara State University of Social Sciences and Education – SSUSSE*

REACTION TO ABDICATION OF KING EDWARD VIII IN GREAT BRITAIN

Abstract

Objective: The purpose of the current article is to examine the public reaction to the abdication of Edward VIII in Great Britain, including the reaction of the British public, the royal family, representatives of the court circles, public and political figures and the Church of England.

Methods: Specific historical or ideographic (narrative) method of research, reproduction and evaluation of the events in the period after abdication.

Results: The analysis of the reaction to abdication of Edward VIII among the population of Great Britain allowed us to conclude that this reaction was somehow ambiguous. Moreover, the reaction of the working class differed from the reaction of the middle class, which was highly influenced by the opposition to the king including the Church of England, the royal family, and, with a few exceptions, the aristocracy and the court circles of Great Britain.

Scientific novelty: The article is a selection and analysis of the opinions of contemporaries of the events of the abdication of Edward VIII, which, as far as we know, are first published in Russian.

Practical relevance: The materials presented in the article can be used in teaching practice, as well as in further historical research on the crisis of the monarchy of 1936 in Great Britain.

Keywords: abdication of Edward VIII, the crisis of the monarchy in 1936 in Great Britain, Mrs. Wallis Simpson, George VI, Duke and Duchess of Windsor.

For citation: Tomsett (Sovetkina) Elena Yur'evna. Reaction To Abdication Of King Edward VIII In Great Britain, 2020. No. 7–8. – P. 10–21. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-7.8-10-21>

References:

1. Beaverbrook Lord. The Abdication of King Edward VIII. – London, Hamish Hamilton Ltd., 1966.
2. Birkenhead F. W. F. S. Second Earl of. Walter Monckton: The Life of Viscount Monckton of Brenchley. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1969.
3. Blackwood C. The last of the Duchess. – New York: Pantheon Books, 1995.
4. Bloch M. The Duke of Windsor's War. – New York, 1983.
5. Bloch M. The Reign and Abdication of Edward VIII. – London, Transworld Publishers Ltd., 1990.
6. Bolitho H. Edward VIII: His Life and Reign. – London: London Eyre and Spottiswood, 1937.
7. Bolitho H. Century of British Monarchy (trans. by W. B. Wells). – London: Longmans, 1951.
8. Bradford S. The Reluctant King: The Life & Reign of George VI, 1895–1952. (reprint) – New York: St. Martin's Press, 1990.
9. Bryan J. & Murphy C. J. V. The Windsor story. – New York: William Morrow, 1979.
10. Channon H. (ed. R. Rhodes James) Chips: The Diaries of Sir Henry Channon. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1967.
11. Cretney S. Edward, Mrs Simpson and the Divorce Law. History Today, 53/9. 2003. – P. 26–28.
12. Donaldson F. Edward VIII. – London: Wiedenfeld & Nicolson, 1974.
13. Gunther J. Inside Europe. – New York, 1936.
14. Hitler A. Mein Kampf (translated by R. Manheim). – New York: Houghton Mifflin, 1943.
15. King G. The Duchess of Windsor. – New York: Citadel Press, 1999.
16. Laird D. How the Queen Reigns. – London: Hodder & Stoughton, 1959.
17. Lockhart J. G. Cosmo Gordon Lang. – London: Hodder and Stoughton, 1949.
18. London Daily Express, 27 May, 1937. Editorial.
19. Mackenzie C. The Windsor Tapestry. – London: Chatto and Windus, 1952.
20. Mc Cary B. Press, Politics and the Abdication of Edward VIII. Department of History, Loyola University, – New Orlean. 1995–96.
21. Mort F. Love in a Cold Climate: Letters, Public Opinion and Monarchy in the 1936 Abdication Crisis. Twentieth century British History, 25/1. 2013. – P. 1–33.
22. Mosley L. The Reich Marshall: A Biography of Hermann Goering. – New York: Dell Publishing, 1975.
23. New York Evening Journal, 12 December, 1936.
24. New York Journal-American, 3 June, 1962.
25. Nym Mayhall L. E. The Prince of Wales Versus Clark Gable: Anglophone Celebrity and Citizenship Between the Wars. Cultural and Social History, 4/4, 2015. – P. 529–43.
26. Nicolson H. Diaries and Letters, 1930–1939. – New York: Atheneum, 1966.

27. Prochaska F. A. Prince in the Promised Land. *History Today* 58,– 12, 2008.– P. 14–20.
28. Rhodes James R., Victor Cazalet A., Portrait L.– Hamilton, 1976.
29. Sapire H. Ambiguities of Loyalism: the Prince of Wales in India and Africa, 1921–2 and 25'. *History Workshop Journal*, 73/1, 2012.– P. 37–65.
30. Stevenson F. Lloyd George: A Diary (ed. A. J. P. Taylor).– London: Hutchinson, 1971.
31. Townend P. Thomas Burke's Peerage, Baronetage and Knightage. 104th Edition. L., Burke's Peerage, 1967.
32. Vickers H. Elizabeth, the Queen Mother.– London: Arrow Books, 2006.
33. Williams S. The People's King. The True Story of the Abdication.–London: Penguin Books, 2002.
34. Ziegler P. King Edward VIII.– New York: Alfred A. Knopf, 1991.

Information about the author:

Tomsett (Sovetkina) Elena Yur'evna, candidate of Historical Sciences (RF), PhD in Psychology (UK), associate professor of the Department of History, Samara State University of Social Sciences and Education (SSUSSE).

Address: 443099, Samara, M. Gorkiy Str., 65/67.

E-mail: elena.c.sovetkina@bath.edu; elle.tomsett@mail.ru; tel.: +7 (846) 958–66–68

ORCID: 0000–0002–1338–7633

Pedagogy

Педагогика

Н. Г. ПЕТРОВА¹,
Л. Н. СТРИЖАКОВА²,

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
имени академика И. П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Аннотация:

Цель: разработать практические рекомендации, направленные на повышение уровня удовлетворенности студентов качеством образовательного процесса.

Методы: анализ научно–педагогической литературы, наблюдение, анкетирование, ранжирование.

Результаты: Наиболее важными профессиональными качествами преподавателей Университета студенты считают способность педагога полноценно отвечать на вопросы студентов (на что указали 90,2% опрошенных). Более 80% респондентов отметили: важность предоставления преподавателями информации о возможных рисках медицинских вмешательств; интересного изложения учебного материала; строгого соответствия материала, обсуждаемого на лекционных и практических занятиях, экзаменационным вопросам. Наиболее важным личностным качеством с точки зрения студентов является заинтересованность преподавателя в том, чтобы все студенты освоили неясные для них вопросы (88,4%). Выявлен высокий уровень удовлетворенности студентов профессиональными и личностными качествами преподавателей, и признание того, что они в значительной мере способствуют усвоению знаний и навыков, особенно по дисциплинам психолого–педагогического (80,5%) и административно–управленческого блока (81,5%).

Научная новизна: в статье впервые представлены результаты исследования, которые важны с точки зрения профессиональных и личностных качеств преподавателей высшей школы.

Практическая значимость: результаты проведенного исследования могут быть использованы в работе аналитического и учебно–методического отделов образовательной организации высшей школы при ежегодном анализе рейтинга преподавателей и кафедр на основании данных анкетирования студентов, а также для разработки мер по совершенствованию организации учебного процесса.

Ключевые слова: образование, педагогическая деятельность, обучение, стиль, профессиональная компетенция, информационная компетентность, коммуникативная компетентность, сестринское дело, бакалавриат.

Как цитировать статью: Петрова Н. Г., Стрижакова Л. Н. Профессиональные и личностные качества преподавателей Высшей Школы в Представлениях Студентов Медицинского Вуза // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020. – No. 7–8. – P. 22–28. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-7.8-22-28>

Введение. Формирование целостной системы воспроизводства кадров для научно–технологического развития страны, сохранение позиции России

в числе ведущих стран мира по качеству общего и профессионального образования обеспечивается наличием высококвалифицированных кадров, обладающих

высоким уровнем профессиональной компетенции. В соответствии с прогнозом долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года, утвержденным Правительством Российской Федерации 22 ноября 2018 г. развитие образования будет направлено на повышение конкурентоспособности российского образования; воспитание гармонично развитой личности [6].

Достижение этих задач, обеспечение качества профессиональной подготовки выпускников ВУЗов невозможно без наличия достаточного числа высокопрофессиональных преподавателей, владеющих совокупностью компетенций и обладающих должными личностными (социально значимыми) качествами [3; 8]. Именно преподаватели в процессе педагогической деятельности должны не только передать молодому поколению накопленные человечеством знания, но и увязать эту деятельность с текущими и перспективными потребностями общественного развития и развития личности в гармонии с самой собой и социумом [2; 4; 9]. От уровня профессиональной и психолого-педагогической компетентности каждого преподавателя, его педагогических способностей (дидактических, организационных, коммуникативных, перцептивных, суггестивных, научно-познавательных) зависит качество подготовки студентов не только по конкретной дисциплине, но и в целом, их способность и готовность к выполнению профессиональной деятельности [1]. Преподаватель должен достигать максимального контакта со студентами, обладать высоким уровнем авторитета уметь заинтересованность студентов [5; 7].

Для того, чтобы проанализировать, в какой степени преподаватели медицинского ВУЗа обладают соответствующими профессиональными и личностными качествами нами было проведено исследование, целью которого являлась разработка практических рекомендаций, направленных на повышение уровня удовлетворенности студентов качеством образовательного процесса.

Материалы и методы. Анкетирование всех (60) студентов выпускного курса факультета высшего сестринского образования ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им.акад.И.П.Павлова. Все респонденты имели среднее профессиональное образование по специальности сестринское дело. У 40,0% респондентов профессиональный стаж составил от 5 до 9 лет; у 26,0% – до 5 лет; у 16,0% – 10–19 и более 20 лет. Данные обрабо-

таны с использованием пакета прикладных программ Statistica и Excell.

Анкета содержала три основных блока вопросов:

1. Вопросы, направленные на оценку значимости для студентов уровня владения преподаваемым материалом, владения преподавателем современными аспектами обсуждаемой проблемы, владения информацией по проблеме, выходящей за рамки конкретного занятия или лекции.

2. Вопросы, посвященные оценке значимости для студентов моментов, касающихся организации и структурированности образовательного процесса, педагогических навыков преподавателя.

3. Вопросы, касающиеся значимости для студентов личностных качеств преподавателя: внешнего вида, стиля поведения, отношения к студентам, уровня коммуникации, объема лексического запаса, чистоты речи.

Анкета предполагала наличие набора определенных качеств, значимость которых предлагалось оценить. Таким образом, выяснялась степень значимости тех или иных качеств преподавателя, и, как результат, появилась возможность ранжировать профессиональные и личностные качества преподавателей с точки зрения студентов.

Для оценки удовлетворенности студентов работой преподавателей кафедр университета, преподающих различные дисциплины во время освоения образовательной программы, студентам предлагалось оценить степень соответствия манеры преподавания и качеств преподавателя ожиданиям студентов, а также роль описанных характеристик для усвоения учебного материала.

Исследование проводилось на базе факультета высшего сестринского образования (ФВСО) ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова Минздрава России.

Согласно требованиям образовательного стандарта, в Университете разработана Общая образовательная программа по направлению подготовки 34.03.01 Сестринское дело (уровень бакалавриата). По учебному плану студенты за весь срок обучения должны освоить 52 дисциплины.

Таким образом, студенты в процессе получения образования общаются более чем с 50-ю разными преподавателями более чем 20-ти кафедр университета. Разумеется, каждая кафедра имеет свою методологическую базу, а каждый преподаватель индивидуален со своими характерологическими особенностями, стилем преподавания, уровнем владения материалом

и общей эрудированностью, уровнем мотивации к своей профессиональной деятельности, отношением к студентам. К выпускному курсу у студентов имеется возможность сравнить и проанализировать особенности качеств разных преподавателей и дать субъективную оценку влияния тех или иных особенностей преподавателей на уровень освоения разных дисциплин. В анкетировании приняли участие все (60) студенты выпускного курса ФВСО.

В возрастной структуре студентов преобладали студенты моложе 30 лет (составляя 64,0%), значительно ниже была доля лиц 30–39 (16,0%) и 40 лет и старше (20,0%). Все респонденты имели среднее профессиональное образование по специальности сестринское дело. У 40,0% респондентов профессиональный стаж составил от 5 до 9 лет; у 26,0% – до 5 лет; у 16,0% – 10–19 и более 20 лет.

Результаты исследования. Анализ результатов опроса студентов показал, что с точки зрения студентов основным качеством преподавателя, характеризующим его профессиональную компетентность, является способность педагога полноценно отвечать на вопросы студентов, возникающие при освоении той или иной темы. Эту характеристику важной считали 90,2% опрошенных. Следует подчеркнуть, что студенты готовы самостоятельно при помощи учебников, конспектов, дополнительной литературы, электронных ресурсов сети Internet осваивать разные разделы изучаемой дисциплины. И, в этом случае, преподаватель рассматривается студентами как наставник, консультант, помогающий разобраться в наиболее сложных, спорных нюансах темы. Данное мнение большинства опрошенных студентов объяснимо тем, что студенты факультета ВСО – это люди, уже имеющие профессию и опыт работы, зачастую работающие и имеющие семьи, и вариант освоения образовательной программы в заочной или в дистанционной форме для них является предпочтительным. Однако в процессе общения с преподавателем они надеются получить исчерпывающие ответы на все, возникшие в процессе самостоятельной работы, вопросы. Следует добавить также, что эти вопросы носят вполне конкретный прикладной характер, и по точности формулировок ответов студенты могут составить достаточно четкое представление об уровне овладения самим преподавателем конкретного материала.

Чуть менее, но также существенно значимыми были для студентов такие профессиональные качества преподавателей, как предоставление информа-

ции о возможных рисках, как для пациента, так и для медицинского работника при выполнении той или иной медицинской манипуляции; интересное изложение учебного материала; строгое соответствие материала, обсуждаемого на лекционных и практических занятиях, экзаменационным вопросам. Данные характеристики отметили как очень важные 82,3–84,6% опрошенных студентов.

Сегодня студенты заинтересованы в практическом применении полученных знаний. Их в большей степени привлекает не академичность и теоретическое обоснование того или иного материала, а его применимость в практической деятельности, возможность при помощи полученных новых навыков оптимизировать собственную профессиональную деятельность. Поэтому не случайно, что 80,0% опрошенных считали важным такое качество преподавателя, как способность моделировать нестандартные профессиональные ситуации.

Три четверти (76,6%) респондентов важным считали владение педагогом современными образовательными технологиями, в частности, его способность организовывать дискуссии по теме, обсуждаемой на занятии. Для студентов, в особенности взрослых, каковыми в большинстве являются студенты факультета ВСО, существенным является наличие возможности высказывать собственное мнение, быть услышанным и услышать компетентное мнение преподавателя. Поэтому преподаватель не только должен быть профессионально подготовленным, но также в силу своих психологических характеристик и коммуникативных способностей должен быть способен к поддержанию дискуссии со студентами, аргументации собственного мнения и к признанию правоты студента. О необходимости для преподавателя владеть материалом преподаваемой дисциплины вне рамок рабочей программы или темы занятия свидетельствует тот факт, что 70,3% студентов положительно ответили на вопрос о важности предоставления преподавателем ссылки на дополнительные источники информации по обсуждаемой теме, как в традиционном «бумажном» формате – монографии, сборники, периодическая печать, так и в электронном формате – электронные адреса сайтов в сети Internet. 68,1% опрошенных студентов считали важным свободное владение материалом (без необходимости пользоваться конспектом). То есть, студенты предъявляют довольно жесткие требования к профессиональной подготовке преподавателей.

Мнения студентов об идеальной организации проведения учебных занятий не так однозначны, как мнения о необходимом уровне профессиональных знаний преподавателя. Наиболее значимым для студентов явилось наличие в образовательном процессе четко обозначенной системы требований преподавателя и их соблюдение. Важность этого обстоятельства отметили 62,2% опрошенных. Почти треть (29,8%) респондентов считали, что система должна быть, но допускали некоторое отступление. Для 8,0% наличие такой системы было незначимым. На наш взгляд, наличие четкой организационной системы, донесение ее до студентов, принятие ее студентами облегчает взаимодействие преподавателя со студентами в процессе обучения. Особенно это важно для молодого преподавателя. В то же время, способность строить занятие по ходу, с учетом интереса и вопросов студентов без потерь также важна, но присуща, как правило, только опытным преподавателям.

Более половины студентов (58,4%) считали важным использование преподавателем в образовательном процессе такого инструмента, как предоставление студентам возможности находить решение путем выбора из нескольких вариантов. Это говорит о том, что студенты готовы сравнивать, анализировать достоинства и недостатки различных путей достижения результата и выбирать оптимальный, что демонстрирует наличие у них к выпускному курсу элементов профессионально-творческого мышления и их ориентацию на использование полученных в Университете знаний и умений в практической деятельности. Отношение студентов к проведению экзамена преподавателем было наиболее разнообразным. 36,4% респондентов посчитали важным наличие творческого, нестандартного подхода преподавателя к промежуточной аттестации. Они указали на то, что такой формат экзамена позволяет им полнее продемонстрировать свои знания и полученные навыки. 34,0% студентов не считали использование новаторских подходов к проведению экзамена важным. Они готовы проходить аттестацию, как в традиционном формате опроса, так и с использованием творческого подхода. 29,6% респондентов категорически настаивали на проведении экзаменов в традиционной форме.

Наиболее важными личностными качествами преподавателей Университета с точки зрения студентов являются заинтересованность преподавателя в том, чтобы все студенты освоили неясные для них вопросы.

88,4% подчеркнули значимость этого качества. Весьма важны корректность и уважительное отношение преподавателя к студентам. 86,2% респондентов считали важным то, чтобы преподаватель уважительно и с достоинством относился к студентам, обращался к ним на «Вы», был с ними корректен, несмотря на разницу в возрасте и статусе. 70,1% студентов считали важным внешний вид преподавателя. Для них принципиально, чтобы преподаватель был опрятен и даже элегантен. Более половины опрошенных (68,2%) студентов считали наличие у преподавателя грамотной речи.

Для оценки влияния личностных и профессиональных качеств преподавателей на образовательный процесс, оценку комфортности для студентов процесса овладения учебным материалом, студентов просили отметить, насколько сильно способствовали, либо препятствовали овладению знаниями профессиональные и личностные качества конкретных преподавателей, с которыми студенты контактировали за весь срок обучения.

Наиболее комфортно и продуктивно для студентов, по их мнению, проходили занятия по таким общемедицинским дисциплинам, как нормальная физиология, общая гигиена, общая патология и медицинская биоэтика. Про то, что личностные и профессиональные качества преподавателей этих дисциплин полностью отвечают ожиданиям студентов и способствуют усвоению учебного материала указали 80,1%, 76,3%, 74,2% и 72,1% опрошенных студентов, соответственно. Показатели удовлетворенности студентов качествами преподавателей клинических дисциплин выше. В частности, студенты высоко оценили личностные и профессиональные качества преподавателя дисциплины «Сестринское дело в хирургии (90,1% из них). При анализе оценок, поставленных студентами преподавателям психолого-педагогического блока дисциплин, выявлено, что показатели удовлетворенности студентами профессиональными и личностными качествами преподавателей данного блока были довольно высокими (позитивно оценили 78–84% студентов).

Наиболее высокими показателями удовлетворенности студентов профессиональными и личностными характеристиками преподавателей были в блоке административно-управленческих дисциплин, где практически отсутствовали негативные оценки. Наивысшая степень удовлетворенности как среди дисциплин этого блока, так и среди всех дисциплин курса были у преподавателей следующих дисциплин:

Статистический учет и стандартизация в здравоохранении (96,0%), Менеджмент в сестринском деле (95,8%), Общественное здоровье и здравоохранение (92,3%), Маркетинг в здравоохранении (90,1%).

Заключение. Сравнительные результаты анализа мнений студентов о соответствии профессиональных и личностных характеристик преподавателей различных блоков дисциплин, ожиданиям студентов и влияния этих качеств на усвоение студентами учебного материала показали, что отношение профессиональных и личностных качеств преподавателей меняется в сторону нарастания удовлетворенности с увеличением курса обучения. Опрос показал, что по мнению студентов профессиональные и личностные качества преподавателей Университета находятся на достойном уровне и в значительной мере способствуют усвоению знаний и навыков

Наиболее важными профессиональными качествами преподавателей Университета студенты считали способность педагога полноценно отвечать на вопросы студентов; предоставление педагогом информации о возможных рисках, как для пациента, так и для медика при выполнении той или иной медицинской манипуляции; интересное изложение учебного материала; строгое соответствие материала, обсуждаемого на

лекционных и практических занятиях экзаменационным вопросам. Среди личностных качеств наиболее значимыми являются заинтересованность преподавателя и уважительное отношение к студентам. Выявлен в целом достаточно высокий уровень удовлетворенности студентов профессиональными и личностными качествами преподавателей, и признание того, что они в значительной мере способствуют усвоению знаний и навыков. В то же время дифференциация оценок по различным дисциплинам свидетельствует о необходимости дальнейшего анализа по тем кафедрам (дисциплинам), по которым получена минимальная удовлетворенность. Результаты исследования важны с точки зрения совершенствования учебно-воспитательного процесса, доказывают как необходимость постоянного профессионального роста преподавателей (в том числе и в овладении современными педагогическими технологиями), так и периодического рассмотрения вопросов этики преподавателей. На основании исследования разработаны конкретные дифференцированные рекомендации, включающие мониторинг уровня удовлетворенности студентов, которые могут служить основой для набора стандартных, наиболее востребованных траекторий профессионального развития преподавателей Университета.

Список литературы

1. Копоева Р. Т. Профессиональная компетентность преподавателя высшей школы / Р. Т. Копоева, В. И. Хетагов // Современные проблемы науки и образования. 2019.– № 3. URL: <http://www.science.education.ru/ru/article/view>
2. Краснорядцева О. М. Ценностная детерминация профессионального поведения педагогов / О. М. Краснорядцева // Сибирский психол. журн. 2012.– № 7.– С. 25–29.
3. Крючкова А. В. Инновационные образовательные технологии в педагогическом образовательном процессе / А. В. Крючкова, А. М. Князева, Ю. В. Кондусова // Уральский научный вестник. 2018.– Т. 7.– № 8.– С. 079–081.
4. Кунц Л. И. Особенности профессионального становления студентов / Л. И. Кунц // Проблемы психологии мотивации: Мат.науч.–практич. конф.– Новосибирск, 2015.– С. 84–218.
5. Петрова Н. Г. Современные проблемы и перспективы высшего сестринского образования / Н. Г. Петрова, С. Г. Погосян // Журнал акушерства и женских болезней. 2017.– Т. 66.– Спецвыпуск.– С. 62–63.
6. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года, утвержденный Правительством Российской Федерации 22 ноября 2018 г. (протокол № 34, раздел II, пункт 2).
7. Сидаш Н. С. Характеристика современного преподавателя высшей школы / Н. С. Сидаш // Педагогическое образование в России. 2014.– № 8.– С. 217–222.
8. Ткачева Т. М. Роль личности преподавателя в обеспечении качества профессиональной подготовки выпускников ВУЗа / Т. М. Ткачева – М., 2015.– 77 с.
9. Ahatova Z. N. Crisis of traditional system of education and transition to practice-oriented technologies / Z. N. Ahatova // American science j. 2017.– 2. P. 70–73.

Информация об авторах:

Петрова Наталия Гурьевна, доктор медицинских наук, профессор
ФГБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика
И. П. Павлова» Министерства здравоохранения РФ

Адрес: 197022, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6–8

E-mail: petrova-nataliya@bk.ru; тел. 8(812) 338–63–76

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9277-2109>

Стрижакова Людмила Николаевна, ассистент

ФГБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика
И. П. Павлова» Министерства здравоохранения РФ

Адрес: 197022, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6–8

E-mail: alias-sm@yandex.ru; тел. 8(921)742–39–50

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7028-7559>

N. G. PETROVA¹,
L. N. STRIZHAKOVA²,

¹ *Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “First Saint-Petersburg State Medical University named After Academician I. P. Pavlov” of The Ministry of Health of The Russian Federation*

NECESSARY PROFESSIONAL AND PERSONAL QUALITIES OF HIGH SCHOOL TEACHERS ACCORDING TO STUDENTS

Abstract:

Objective: to develop practical recommendations aimed at increasing the level of student satisfaction with the quality of the educational process.

Methods: analysis of scientific and pedagogical literature, observation, survey, ranking.

Results: the most important professional qualities of University teachers are considered by students to be the ability of a teacher to fully answer students' questions (as indicated by 90.2% of respondents). More than 80% of respondents noted: the importance of providing teachers with information about possible risks of medical interventions; interesting presentation of educational material; strict compliance of the material discussed in lectures and practical classes with exam questions. The most important personal quality from the point of view of students is the teacher's interest in ensuring that all students master issues that are unclear to them (88.4%). A high level of students' satisfaction with professional and personal qualities of teachers was revealed, and the recognition that they significantly contribute to the acquisition of knowledge and skills, especially in the disciplines of psychological and pedagogical (80.5%) and administrative and managerial block (81.5%).

Scientific novelty: the article presents for the first time the results of research that are important from the point of view of professional and personal qualities of high school teachers.

Practical significance: the results of the study can be used in the analytical and educational departments of educational organization of higher school with an annual analysis of ranking of teachers and departments on the basis of data from the survey of students, as well as to develop measures on improvement of organization of educational process.

Keywords: education, pedagogical activity, training, style, professional competence, information competence, communicative competence, nursing, bachelor's degree.

For citation: Natalia G. P., Lyudmila N. S. Necessary Professional and Personal Qualities of High School Teachers According to Students. 2020. – No. 7–8. – P. 22–28. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-7.8-22-28>

References

1. Kopaev R. T. The Professional competence of teacher of high school / R. T. Kopaev, V. I. Gatagov // Modern problems of science and education. 2019.– No. 3. URL: <http://www.science.education.ru/ru/article/view>
2. Krasnoryadtseva O. M. Value determination of professional behavior of teachers / O. M. Krasnoryadtseva // Siberian psychology. Journal, 2012.– No. 7.– P. 25–29.
3. Kryuchkova A. V. Innovative educational technologies in the pedagogical educational process / A. V. Kryuchkova, a.m. Knyazeva, Yu. V. Kondusova // Ural scientific Bulletin, 2018.– Vol. 7.– No. 8.– P. 079–081.
4. Kunts L. I. Features of professional formation of students / L. I. Kunts // Problems of motivation psychology: Mat. nauch.– praktich. konf.– Novosibirsk, 2015.– P. 84–218.
5. Petrova N. G. Modern problems and prospects of higher nursing education / N. G. Petrova, S. G. Pogosyan // Journal of obstetrics and women's diseases. 2017.– T. 66.– Special issue.– P. 62–63.
6. Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2036, approved by the Government of the Russian Federation on November 22, 2018. (Protocol No. 34, section II, paragraph 2).
7. Sidash N. S. Characteristics of a modern higher school teacher / N. S. Sidash // Pedagogical education in Russia. 2014.– No. 8.– P. 217–222.
8. Tkacheva T. M. The Role of the teacher's personality in ensuring the quality of professional training of University graduates / T. M. Tkacheva.–M., 2015.– 77 p.
9. Ahatova Z. N. Crisis of traditional system of education and transition to practice-oriented technologies / Z. N. Ahatova // American science j. 2017.– 2.– P. 70–73.

Information about authors:

Petrova Natalia Guryevna, doctor of medical Sciences, Professor

FIRST Saint Petersburg state medical University academician I. P. Pavlov, Ministry of health of the Russian Federation

Address: 6–8 Lva Tolstogo str., Saint Petersburg, 197022, Russian Federation

E-mail: petrova-nataliya@bk.ru; tel. 8(812) 338–63–76

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9277-2109>

Strizhakova Lyudmila Nikolaevna, assistant

FIRST Saint Petersburg state medical University academician I. P. Pavlov, Ministry of health of the Russian Federation

Address: 6–8 Lva Tolstogo str., Saint Petersburg, 197022, Russian Federation

E-mail: alias-sm@yandex.ru; tel. 8(921)742–39–50

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7028-7559>

Т. Н. САДЫКОВА ¹,С. Г. МОЛЧАНОВ ²,^{1, 2} Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет, г. Челябинск, Российская Федерация

ФЕНОМЕН «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ» В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация

Цель: В статье рассматривается проблема профессиональной компетентности, описывается сущность и структура профессиональной компетентности педагога дошкольного образования.

Материалы и методы: Основными методами исследования являются анализ нормативно-правовых документов и научных исследований по проблеме формирования профессиональной компетентности педагога дошкольного образования.

Результаты: Изучено содержание понятия «профессиональная компетентность педагога», представлены различные точки зрения к пониманию качества дошкольного образования, управления качеством дошкольного образования, определена структура профессиональной компетентности педагога дошкольного образования как совокупность образовательных и социальных компетенций.

Обсуждение: Подчеркивается, что профессиональная компетентность педагога как совокупность образовательных и социальных компетенций является средством управления качеством дошкольного образования.

Заключение: Делается вывод о том, что обоснование содержания феномена «профессиональная компетентность педагога как средство управления качеством дошкольного образования» позволит разработать критерии, показатели и способы оценки профессиональной компетентности, а также найти эффективные формы, методы и средства формирования профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования.

Основные положения:

- определена сущность понятия «профессиональная компетентность» в научных исследованиях;
- рассмотрены требования современных нормативно-правовых документов к уровню профессиональной компетентности педагога;
- выявлены структурные компоненты профессиональной компетентности педагога – образовательные и социальные компетенции.

Ключевые слова: качество, качество образования, управление, управление качеством дошкольного образования, компетентность, компетенция, профессиональная компетентность педагога, образовательные и социальные компетенции педагога.

Как цитировать статью: Садыкова Т. Н. Молчанов С. Г. Феномен «Профессиональная Компетентность Педагога как средство Управления Качеством Дошкольного Образования» В Психолого-Педагогических Исследованиях // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020. – No. 7–8. – P. 29–34. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-7.8-29-34>

1. Введение

Актуальность проблемы профессиональной компетентности педагога как средства управления качеством дошкольного образования определяется социальным заказом на необходимые процессы обновления и совершенствования содержания деятельности дошкольных образовательных организаций в новых социально-экономических условиях. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации, Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования представлен ориентир деятельности современных дошкольных образовательных организаций на достижение качества образовательного процесса.

Одним из средств управления качеством дошкольного образования является компетентность педагогов. В нормативно-правовых актах подчеркивается, что педагог должен осуществлять свою деятельность в соответствии с требованиями нормативных документов, при этом постоянно повышая уровень своей профессиональной подготовки (ст. 48 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации») [1].

Проблема профессиональной компетентности педагога предполагает изучение содержания данного феномена, поиск способов формирования и оценивания. Необходимо определить, что входит в содержание понятия «профессиональная компетентность», какова структура профессиональной компетентности педагога дошкольного образования, какие формы, методы и средства будут способствовать формированию профессиональной компетентности педагога, а также то, по каким критериям и показателям нужно оценивать уровень профессиональной компетентности.

2. Материалы и методы (Materials and methods)

Изучение феномена «профессиональная компетентность педагога» предусматривает анализ категории «качество образования». В научных исследованиях проблема управления качеством образования рассматривается многими учеными (В. А. Кальней, М. М. Поташник, А. И. Субетто, П. И. Третьяков, Т. И. Шамова, С. Е. Шишов и др.).

С. Е. Шишов, В. А. Кальней, Е. Ю. Гирба считают, что качество образования – это «степень достижения поставленных образовательных целей и задач, при этом качество образования – это не только качество его результатов, но и качество состояния образова-

тельного процесса, его содержания, технологий, условий реализации» [2, с. 4].

В. М. Полонский считает, что качество образования – это «определенный уровень знаний и умений, умственного, физического и нравственного развития, которого достигли выпускники образовательного учреждения в соответствии с планируемыми целями обучения и воспитания» [3, с. 109].

Категорию «качество образования» можно трактовать как степень достижения или соответствия целевым установкам. Качество дошкольного образования – это соответствие стандарту (Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования), степень достижения заявленных целевых ориентиров.

Изучение проблемы качества образованием, выявление специфики феномена «профессиональная компетентность педагога» связаны с уточнением такого понятия, как «управление». Управление нацелено на такое использование имеющихся средств и ресурсов, которые будут способствовать достижению оптимального результата. Потому основным вектором управления следует признать цель – результат. Управление качеством образования раскрывается как процесс, совокупность непрерывных взаимосвязанных управленческих функций (целеполагания, планирования, организации, мотивации, контроля).

Показатели, характеризующие общие критерии оценки качества функционирования образовательных организаций, отражены в приказе Минобрнауки России от 05.12.2014 N1547 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность». Выделяется следующие группы показателей:

- 1) открытость и доступность информации об образовательной организации;
- 2) комфортность условий образовательной деятельности;
- 3) компетентность работников образовательной организации;
- 4) удовлетворенность качеством образования всех субъектов образовательного процесса [4].

В данном документе компетентность работников образовательной организации выступает как один из показателей качества образования. В научных исследованиях рассматриваются различные аспекты проблемы формирования профессиональной ком-

петентности педагогов дошкольного образования (И. Н. Асаева, Л. Н. Атнахова, О. Ю. Дедова, Г. И. Захарова, С. Г. Молчанов, Т. А. Сваталова, О. В. Тихомирова и другие).

И. Н. Асаева под профессиональной компетентностью понимает «заданное социальное требование к готовности воспитателя по реализации обобщенных способов действий (основанных на знаниях, умениях, ценностных отношениях, опыте), необходимых для осуществления профессиональной деятельности по развитию дошкольников» [5, с. 9].

Т. А. Сваталова отмечает, что профессиональная компетентность педагогов дошкольного образования – это «совокупность компетенций, отражающих теоретические представления и способы профессиональной деятельности педагогов дошкольного образования, обеспечивающих профессиональный рост» [6, с. 11].

В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет понятие профессионально-педагогической компетентности в теории С. Г. Молчанова. Специфика профессионально-педагогической деятельности предполагает наличие у педагога и социально-профессиональных, социально-статусных компетенций. Педагог должен располагать не только профессионально-образовательными компетенциями, обеспечивающими передачу содержания образования, но еще и компетенциями, обеспечивающими передачу содержания социализации [7].

Таким образом, мы изучили нормативно-правовые документы и проанализировали научную психолого-педагогическую литературу по проблеме профессиональной компетентности педагогов. Теперь опишем структуру педагогической компетентности.

3. Результаты (Results)

Профессиональную компетентность педагога можно рассмотреть как совокупность компетенций. Компетенция – это 1) представления об объекте (знания: у французов *savoir*); 2) представления о возможных способах работы с объектом (умения и навыки: *savoir-faire*); 3) реальные действия и поступки (способы деятельности и поведения: *action*). Компетенции делятся на две группы: образовательные и социальные. Любая компетенция проявляется в действии и (или) поступке, в *performances*, т.е. в позитивном преобразовании объекта воздействия, в обеспечении его восхождения от актуального состояния к новому, качественно более высокому.

Структуру профессиональной компетентности педагога дошкольного образования можно рассмотреть с точки зрения реализации образовательных программ. Феномен «образовательная программа» описан и определен в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Образовательная программа как система включает в себя следующие компоненты: 1) содержание образования; 2) содержание обучения; 3) контрольно-измерительные материалы (контрольно-оценочные средства) КИМ (КОС)ы; 4) материально-техническое оснащение; 5) финансово-экономическое обеспечение; 6) методическое обеспечение (управленческое). Взаимодействуя с описанной таким образом системой, педагогический работник должен обладать адекватными названным компонентам системы (признакам объекта) совокупностями компетенций:

- 1) предметными;
- 2) дидактическими;
- 3) качественными;
- 4) технико-технологическими;
- 5) социально-статусными;
- 6) методическими.

Совокупность данных компетенций составляет профессиональную компетентность педагога дошкольного образования. Данные компетенции можно разделить на две группы – образовательные (профессионально-образовательные) и социальные (социально-статусные). Педагог должен располагать не только профессионально-образовательными компетенциями, обеспечивающими передачу содержания образования, но еще и компетенциями, обеспечивающими передачу содержания социализации.

В соответствии с этим подходов необходимо определить, 1) что должен педагог передать (для этого педагог должен освоить: а) содержание социализации и; б) содержание образования), 2) как он должен передавать (для этого педагог должен освоить содержание воспитания и содержание обучения, т.е. формы, методы, приемы и средства воспитания (обучения); 3) каков уровень освоенности воспитанниками (обучающимися) содержания социализации и образования (для этого педагог должен освоить использование контрольно-измерительных материалов (–оценочных средств) (КИМ(КОС)-ов).

4. Обсуждение (Discussion)

Выявление специфики феномена «профессиональная компетентность педагога как средство

управления качеством дошкольного образования» связано с изучением основных понятий исследования («качество дошкольного образования», «управление качеством дошкольного образования», «профессиональная компетентность педагога»).

Под качеством дошкольного образования понимается степень соответствия образовательного процесса в дошкольной образовательной организации целевым установкам, закрепленным в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования и образовательной программе ДОО.

Управление качеством дошкольного образования включает в себя совокупность функций управления: целеполагания, планирования, организации, мотивации и контроля. Одним из средств управления качеством образования выступает профессиональная компетентность педагога как совокупность компетенций (представлений об объекте – знаний, представлений о возможных способах работы с объектом – умений

и навыков, реальных действия и поступков как способов деятельности и поведения.

Компетенции, входящие в структуру профессиональной компетентности педагога, разделяются на образовательные (предметные, дидактические, квалиметрические, технико-технологические, методические) и социальные (социально-статусные). Данные компетенции педагога в совокупности позволяют эффективно решать задачи профессиональной деятельности.

5. Заключение (Conclusion)

Таким образом, в результате проведенного исследования была изучена одна из актуальных проблем современной науки – изучение содержания и структуры профессиональной компетентности педагога. Полученные результаты позволили определить компетенции, которые входят в структуру компетентности педагога дошкольного образования, что в дальнейшем даст возможность определить способы ее формирования и оценивания.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70291362/4c3e49295da6f4511a0f5d18289c6432/> (дата обращения: 10.03.2020).
2. Шишов С. Е., Кальней В. А., Гирба Е. Ю. Мониторинг качества образовательного процесса в школе: монография. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 205 с.
3. Полонский В. М. Словарь по образованию и педагогике. – М.: Высшая школа, 2004. – 512 с.
4. Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность: приказ Министерства образования и науки РФ от 5 декабря 2014 г. № 1547 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70859410/> (дата обращения: 10.03.2020).
5. Асаева И. Н. Развитие профессиональных компетенций воспитателей дошкольных учреждений разного вида в процессе повышения квалификации: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.07 / И. Н. Асаева; Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.
6. Сваталова Т. А. Формирование профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования в системе дополнительного профессионального образования: повышения квалификации: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.07 / Т. А. Сваталова; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2009. – 26 с.
7. Молчанов С. Г., Садыкова Т. Н. Основания для построения теории профессионально-педагогической компетентности // Социум и власть. 2018. – № 1(69). – С. 113–126.

Информация об авторах:

Садыкова Таслима Нурисовна, аспирант,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация
Музыкальный руководитель, МБДОУ «ДС «Непоседы», Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение «Детский сад «Непоседы».

Адрес: 629601, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Муравленко, улица Школьная дом 20, кв.20

E-mail: taslima.s@bk.ru; тел.: 89630785481

ORCID № 0000-0002-6583-5944

Молчанов С. Г. Профессор, доктор педагогических наук,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: molchanovsg@cspu.ru
ORCID № 0000-0003-1089-2711

T. N. SADYKOVA¹,

S. G. MOLCHANOV²,

^{1,2} South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

PHENOMENON OF “PROFESSIONAL COMPETENCE OF A TEACHER AS A TOOL OF PRESCHOOL EDUCATION QUALITY MANAGEMENT”. IN PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH

Abstract

Object: The article considers the problem of professional competence, describes the essence and structure of a preschool teacher professional competence.

Materials and methods: The main research methods involve the analysis of regulatory documents and scientific literature on the problem of the formation of a preschool teacher professional competence.

Results: The content of “Professional competence of a teacher” concept has been studied, various viewpoints on understanding the quality of preschool education and preschool education quality management have been presented, the structure of a preschool teacher professional competence as a combination of educational and social expertise has been determined.

Discussion: It is emphasized that professional competence of a teacher as a combination of educational and social expertise is a tool of preschool education quality management.

Conclusion: It is concluded that validation of the content of “professional competence of a teacher as a tool of preschool education quality management” phenomenon will allow one to develop criteria, indicators and methods for assessing professional competence, as well as find effective forms, methods and means of forming professional competence of preschool education teachers.

Highlights: The essence of “professional competence” concept in scientific research was determined;

The requirements of modern regulatory documents to the level of professional competence of the teacher were reviewed;

The structural components of the teacher’s professional competence – educational and social expertise – were identified.

Keywords: quality, quality of education, management, preschool education quality management, competence, expertise, professional competence of a teacher, educational and social expertise of a teacher.

For citation: Sadykova T. N., Molchanov S. G. Phenomenon of “Professional Competence of A Teacher As A Tool of Preschool Education Quality Management”. In Psychological And Pedagogical Research. 2020. – No. 7–8. – P. 29–34. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-7.8-29-34>

References

1. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: Federal’nyj zakon ot 29 dekabrya 2012 goda № 273-FZ (On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012. No. 273-FL) Available at: URL: <https://base.garant.ru/70291362/4c3e49295da6f4511a0f5d18289c6432/> (Accessed: 03.10.2020). (In Russian).

2. Shishov S. E., Kalney V. A., Girba E. Y. Monitoring kachestva obrazovatel'nogo processa v shkole (Monitoring the quality of the educational process at school). Monograph. – 205. 2018. (In Russian).
3. Polonsky V. M. (Slovar' po obrazovaniyu i pedagogike (Dictionary on education and pedagogy). 512. 2004). (In Russian).
4. Ob utverzhdenii pokazatelej, harakterizuyushchih obshchie kriterii ocenki kachestva obrazovatel'noj deyatel'nosti organizacij, osushchestvlyayushchih obrazovatel'nuyu deyatel'nost': prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 5 dekabrya 2014 g. № 1547. (On the approval of indicators characterizing the general criteria for assessing the quality of the educational activities of organizations engaged in educational activities: Order No. 1547 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated December 5, 2014). Available at: URL: <https://base.garant.ru/70859410/> (Accessed: 03.10.2020). (In Russian).
5. Asaeva I. N. (Development of professional competencies of teachers of preschool institutions of various kinds in the process of continuing education): abstract of thesis. ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.07 / I. N. Asaev; Level state ped un-t – Yekaterinburg, 2009. – 23 p. (In Russian).
6. Svatalova T. A. Formirovanie professional'noj kompetentnosti pedagogov doshkol'nogo obrazovaniya v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya (Formation of professional competence of teachers of pre-school education in the system of continuing education) Candidate of education dissertation abstract: 13.00.07 / T. A. Svatalova; Chelyab. state ped un-t – Chelyabinsk, – 26. 2009. (In Russian).
7. Molchanov S. G., Sadykova T. N. Osnovaniya dlya postroeniya teorii professional'no-pedagogicheskoy kompetentnosti (The grounds for constructing the theory of professional and pedagogical competence) *Socium i vlast'*. Nomer 1 (69). 2018. – P. 113–126. (In Russian).

Information about authors:

Sadykova Taslima Nurisovna, Post-graduate student of

“Psychology and pedagogy of pre-school children development” department, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, music director (MBPEI “DS” Neposedy”) of the Municipal Budgetary Pre-school Educational Institution “Detskiy sad “Neposedy”, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Muravlenko, Russia.

Address: 629601, Yamalo-Nenets Autonomous District, Muravlenko, Shkolnaya street 20, apt. 20

E-mail: taslima.s@bk.ru; tel.: 89630785481

ORCID: 0000-0002-6583-5944

Molchanov S. G. Professor, Doctor of

Education, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: molchanovsg@cspu.ru

ORCID: 0000-0003-1089-2711

Philology and linguistics

Филология и лингвистика

УДК 8; 82–4

DOI: 10.29013/AJH-20-7.8-35-42

Т. М. ЖАПЛОВА¹,А. Ж. САЙБУЛОВА²,^{1,2} Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ БИОГРАФИЧЕСКОГО ОЧЕРКА С. Н. СЕВАСТЬЯНОВА «ПАДУРОВ»

Аннотация

Цель: статья посвящена изучению регионального компонента в литературе на примере творчества оренбургского провинциального автора. С. Н. Севастьянова. Внимание обращено на особенности поэтики его биографического очерка «Падуров».

Методы: в основу изучения биографического очерка «Падуров» положены историко-генетический и сравнительно-типологический методы.

Результаты: рассмотрены особенности поэтики биографического очерка, мотив «степного пленника» в русской литературе и в произведении «Падуров», приемы создания образов русского казака и казачьей общины.

Научная новизна: в научный оборот вводится новый материал в виде очерков С. Н. Севастьянова, в частности, его биографический очерк «Падуров».

Практическая значимость: данная работа способствует популяризации и дальнейшему изучению творчества забытых писателей провинциальной периодики, обогащению образа казака в русской литературе.

Ключевые слова: биография, биографический очерк; мотив «степной пленник»; казак; типизация; обобщение; сценка; деталь; пейзаж.

Как цитировать статью: Жаплова Т. М. Сайбулова А. Ж. Особенности Поэтики Биографического очерка С. Н. Севастьянова «Падуров» // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020. – No. 7–8. – P. 35–42. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-7.8-35-42>

Введение

Жизнь оренбургских казаков хорошо описал Сергей Никанорович Севастьянов (1863–1907 гг.), военный, историк – краевед, этнограф, который родился и жил в Оренбурге. За двадцать лет прошел путь от унтер-офицера до есаула. Во время службы также исполнял обязанности библиотекаря, полкового адъютанта, являлся членом Оренбургской ученой архивной комиссии, которая собирала этнографический материал о крае и его обитателях. Сергей Сева-

стьянов печатался в газетах «Оренбургский листок», «Оренбургский край» [1]. Работа в газете позволяла оренбургскому этнографу обращаться к разнообразным злободневным темам. У С. Н. Севастьянова есть труды, связанные с жизнью местного казачества. Писатель публиковал в газете статьи о переселении оренбургских казаков в Уссурийский край в 90 – е годы девятнадцатого века. Исследовал он и историю развития школьного образования в Оренбургском казачьем войске, интересовался казачьим фольклором,

в особенности, песнями, которые разыскивал и публиковал. В 1892 году вышел биографический очерк С. Н. Севастьянова «Падуров» о пленении молодого казака Ивана Васильевича Падурова, который впоследствии стал генерал-майором, героем Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, наказным атаманом Оренбургского казачьего войска. Возможно, С. Н. Севастьянов выбрал для описания именно тот момент из биографии главного героя, который станет поворотным в его судьбе и приведет к славе и почету.

Основная часть

Термин «биография» в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова означал «описание чьей-нибудь жизни» [2]. Исследователь Г. В. Казанцева по субъекту той или иной деятельности (писатель, публицист, историк, литературный критик) выделяет следующие разновидности биографии: беллетризованная, документальная и научная [3, С. 3]. В данной работе нас интересует именно беллетризованная биография. Исследователи: М. Ясиньска, О. А. Гиль предлагают жанровую классификацию беллетризованной биографии: роман-биография, биографическая повесть и биографический очерк [4, С. 32].

Внимание жанру биографического очерка уделяли С. В. Панин [5, С. 150–163], Е. Ю. Садовская, выделившая признаки биографического очерка в статье «Генезис художественного очерка 18–19 веков (проблематика, поэтика, типология)»: жизнеописание конкретного человека, фактографичность, описательность, выраженное авторское начало [6, С. 233].

Г. В. Казанцева предложила классификацию беллетризованных биографий по объекту изображения: биографии о государственных деятелях, биографии о деятелях науки, биографии о деятелях искусства, биографии о писателях.

Произведение «Падуров» можно отнести к биографии о государственных деятелях. С. Н. Севастьянов не случайно вынес в название имя собственное, оно свидетельствует о том, что главный герой – реальная историческая личность. Из справки С. Н. Севастьянова мы узнаем, что И. В. Падуров родился 20 июня 1798 года, происходил из самарских казаков. Отец И. В. Падурова – Василий Тимофеевич служил в Оренбургском казачьем войске в чине есаула. Он обучил своего сына грамоте, благодаря которой Иван Падуров в 1812 году был принят в канцелярию Оренбургского военного губернатора князя Волконского. В том же году он становится урядником, а в 1818 – полковым хорунжим. Уже через

год он поступил на службу в Оренбургский Тысячный казачий полк, в 1830 году отправился воевать в Турцию в должности командира девятого Оренбургского полка. В точности этих сведений можно не сомневаться, они установлены исследователем Е. В. Годовой в статье «Личность наказного атамана как субъект повседневности (на примере жизнеописания наказного атамана Оренбургского казачьего войска И. В. Падурова)» [7, С. 67–68]. Из статьи Е. В. Годовой следует, что дед главного героя – Тимофей Иванович Падуров был грамотным. Он служил сотником в Оренбургском нерегулярном казачьем корпусе. В 1767 году был депутатом от казачьего войска в «Комиссии по сочинению проектов Нового Уложения» в Москве. В 1773 году он присоединился к Емельяну Пугачеву, участвовал в крестьянском бунте. Был пойман и казнен в 1775 году [7, С. 67].

Краткая биографическая справка о герое, из которой мы узнаем, как он жил и чем занимался до плена, придала повествованию документальный характер. Писатель включил в очерк семейные, любовные, профессиональные подробности, которые внесли разнообразие в повествование.

Не случайно выбор С. Н. Севастьянова пал на историю с пленением известного оренбургского казака. Е. К. Созина в статье «Дискурс «степных пленников» в русской литературе 19 века» проследила, как в обозначенную эпоху разрабатывался образ «пленника» [8]: от «кавказского пленника» А. С. Пушкина («Кавказский пленник») до «степного пленника» таких авторов, как А. Крюков («Каратай»), П. М. Кудряшев («Киргизский пленник»), Г. Зелинский («Киргиз»), Н. Муравьев («Киргизский пленник»), В. И. Даль («Рассказ пленника Федора Федоровича Грушина»), И. Железнов («Василий Струняшев») и др. Сюжет о пленении вытекал из самой действительности – охраны рубежей России от набегов киргиз и других степняков в 18–19 веках. Приграничные территории защищали казаки, обосновавшиеся здесь вместе с семьями. Именно они и становились жертвами похищений и угона в плен.

В. М. Жирмунский в книге «Байрон и Пушкин» отметил, что в основе сюжета «пленника» находится молодой герой, который в плену у мусульман, его окружает экзотическая обстановка, на его долю выпадают трудности, в него влюбляется юная и прекрасная персидская девушка, она же устраивает ему побег [9, С. 239–255]. Практически все эти мотивы мы встречаем в описании истории Ивана Васильевича Падурова. С. Н. Се-

вастьянов рассказал о пленении главного героя киргизами в 1823 году. В то время они часто проникали за пограничную линию и похищали скот, людей. Процветала торговля «живым товаром». Молодой Падуров оказался заложником у киргизских ханов. В течение четырех месяцев он был степным пленником, рабом, испытал унижения, познал дружбу и не растерял веру в людей. Когда дочь хана, влюбившаяся в него, хотела помочь ему с побегом, он отказался и решил дожидаться официального освобождения. В этом отказе видно отличие решения С. Н. Севастьянова от привычного сюжетного хода – побега в других произведениях по сюжету «степного пленника». Писатель ориентировался на реальные факты. И. В. Падурова в Оренбурге ждали жена и ребенок. Пленный казак оставался православным человеком. Он не мог быть с дочерью хана, не мог обмануть добрую девушку.

В очерке мы видим, как проявил себя казак в сложной экстремальной ситуации: когда на него напали киргизы, он оказал сопротивление, даже будучи раненым. Даже киргизы признали его мужество и силу.

В построении очерка С. Севастьянов использовал такие приемы, как сценки, песни, письма, легенды и предания. Вставки в очерк в виде сиюминутных сценок воссоздавали колорит места действия. В этом очерке встречаются сценки, которые являются одним из приемов описания события. С. Севастьянову удалось умело вписать их в композицию произведения: «Джуламан велел привести Падурова в свой кош, где сидели Биккинин и Шахмиров. Наступала ночь. Костер, разложенный посредине ханского коша, ярко освещал атлетическую фигуру Джуламана. Падуров, звеня кандалами, вошел через приподнятую дверь кибитки. Пытливые глаза хана остановились на нем и как бы хотели спросить: «Знаешь ли, друг, что задумал твой властелин?» Во взоре Падурова засветилась надежда. «Иван, – сказал, наконец, Джуламан, – ты свободен! В эту ночь ты отправишься в Россию. Берегись в дороге – тебя стерегут. Однако с тобою пройдет некоторое время мой брат Исяламан. Ступай, готовься в дорогу. Аллах да благословит твой путь!» Тут же со звоном упали по приказанию хана железные кандалы, которые пленник влачил четыре месяца. На глазах у Падурова выступили слезы. С живейшей радостью благодарил он Джуламана за свое освобождение и вышел из кибитки. Прохладный ночной воздух несколько освежил его воспаленную голову и порывисто дышавшую грудь» [10]. Сценка,

по словам О. М. Скибиной, оживляла повествование, вносила элемент драматической игры, ощущение сиюминутности происходящего и, как следствие, достоверности описываемого материала [11, С. 45].

С. Н. Севастьянов тщательно разработал речевую характеристику героев. Через монологи и диалоги мы знакомимся с внутренним миром персонажей, а инородные слова кочевников придают колорит речи, бытовавшей в приграничье на рубеже веков: «Ах, шайтан! – ругались киргизы, пинками и ногайками поднимая Медведева и подсаживая его в седло, – держись покрепче ногами. Вот такой же урус, – указывали они на Падурова, – а джигит, биякши джигит!»; «Что, собака, ты плачешь!» [10]. Язык очерка С. Н. Севастьянова богат изобразительными средствами: эпитетами, сравнениями, метафорами. Выразительные детали, умение подметить у участников сцены присущие им индивидуальные особенности речи свидетельствуют о таланте беллетриста.

Предметный ряд С. Севастьянова обстоятелен, этнографичен. Он описывает в произведении особенности жизни казаков в приграничье (военный характер, степную природу, одежду казаков и степняков), прибегает к казачьему устному народному творчеству. С. Н. Севастьянов, как этнограф, подметил особенности поведения киргиз при угоне людей в плен, похитители завязали пленникам глаза, руки скрутили за спиной, а ноги – под брюхом лошадей.

Под внешним романтическим описанием писатель сумел соединить документализм и художественное обобщение, в результате получился удивительный портрет оренбургского казака: «На Падурове была накинута шинель с капюшоном серого сукна, плотно облегающая его стройный стан. Сюртук же, или как с 1845 г. стали называть, чекмень, был сложен в чемодан. Черный шелковый платок на шее, на плечах куртки блестели из чистого серебра эполеты, – погон в то время не носили. Небрежно сдвинутая на затылок мохнатая казачья шапка (кивер с серебряным вытишкетом, султанчиком и чешуею лежал в чемодане) давала возможность видеть широкий лоб, серьезные вдумчивые карие глаза, а темно-русые усы и довольно длинный с едва заметным изгибом нос придавали ему еще более мужской красоты» [10]. Описание дорогой и добротной одежды свидетельствует о том, что перед нами не бедный, а привилегированный казак. Даже в какой-то степени модник. В плену в простом киргизском халате и поношенном малахае он продолжал выглядеть молодцом.

У С. Н. Севастьянова в тексте можно увидеть различные художественные средства изображения: пейзаж, художественная деталь, речевая характеристика, диалог. Эти приемы помогают скрепить текст очерка, сделать его цельным повествованием. С помощью данных выразительных средств писатель показал жизненные явления, передал переживания героев, свои. В день пленения утро выдалось спокойным и тихим: «... высоко в небе, как черная точка парил беркут, не умолкая, стрекотали кузнечики, и своеобразно посвистывали суслики, с любопытством поглядывая у своих норок на проезжающих». Ничто не предвещало беду и нападение киргизов: «Падуров спокойно любовался пейзажем широко и вольно раскинувшихся степей, освещенных теплыми лучами утреннего солнца». В другом случае пейзаж предвещал беду, убийство Плешкова: «До заката солнца оставалось уже немного, но после жаркого июльского дня в наступающем вечере чувствовалось приближение грозы. И, действительно, надвигалась грозная туча». Момент освобождения Падурова также подчеркнут описанием природы, где пейзаж раскрывает характер Падурова, который наконец-то вдохнул вольный воздух, почувствовал ни с чем не сравнимый запах свободы. С. Н. Севастьянов использовал прием олицетворения: «... Ему казалось, что сами звезды радуются его освобождению, переливаясь в лучах своих, как драгоценные камни по темно-синему небу». «Блеснул огонек. Это знаменитый форпост Буранный, опора русского могущества в Ново-Илецком районе, бросает свой ободряющий свет измученным всадникам» [10]. Здесь пейзаж несет смысловую нагрузку: форпост служит символом дома. Читателям передается настроение героя. Пейзажные зарисовки придали повествованию поэтичность.

В тексте присутствуют эмоциональные эпитеты, риторические вопросы и восклицания. Все они характеризуют непосредственные переживания рассказчика: «Но кто решится ехать в глубину степей, к мятежным киргизам, чтобы узнать точно место пребывания пленников?»; «Мир праху твоему, герой, павший за освобождение своего есаула!» [10].

Жизнь Ивана Падурова неотделима от истории казачьего общества, в которой он жил. Сюжет очерка включает в себя рассказы автора о существовавших в то время в Оренбургской губернии порядках: самоуправстве военных начальников, набегах киргизов, кражах скота: за каждую провинность казаков поролли, давали унизи-

тельные прозвища («варнаки», «емельянычи», «пугачевцы», «бунтари», «быдло» и «пся-крев») [10].

Одним из таких самодуров в очерке является комендант Дударь. Он уверен в своей безнаказанности, угрожает казакам расправой за любую провинность: «Забью палками, расстреляю. Я вам бог и царь!» [10].

С. Н. Севастьянов показал, что жестокость царя и в самой верхушке местного самоуправления. О времени правления губернатора П. К. Эссена в народе остались самые тяжелые воспоминания. Река Урал была своего рода разделом между русскими и киргизами. Переходить на другую сторону казакам запрещалось. Даже когда нужно было отбить своих жен и дочерей, увозимых в плен. Им оставалось только наблюдать, как их родные подвергаются таким тяжелым испытаниям. За проступки, халатность и преступления казаков ждали суровые наказания – их прогоняли сквозь строй (от 500 до 1000 человек) шпицрутенами. С. Н. Севастьянов выступал против такой жестокости и произвола. Он называл подобных начальников «царьками».

Самодурам С. Н. Севастьянов противопоставил образ доброго полковника Егора Николаевича Тимашева. Своей деятельностью, воспитанием, отношением к казакам, солдатам, он оказал положительное влияние на становление будущего атамана Падурова. В образе Тимашева отразился идеал справедливого и доброго военного начальника.

Другим положительным героем очерка «Падуров» стал богатырь – казак Петр Плешков. Писатель опирался в своем творчестве на устную народную прозу, которая включает в себя такие жанры, как предания и легенды. Они отличаются от сказок утверждением реальности, достоверности сообщаемых сведений. Так, предания передаются из поколения в поколение, хранятся, как бесценные знания народа. Они рождались из воспоминаний очевидцев, которые со временем обрастали новыми деталями, менялась хронология событий, имена исторических лиц, а чувство правдивости пересказываемого оставалось неизменным. Героями преданий становились цари, военачальники, бунтовщики, народные заступники. В очерке «Падуров» таким персонажем стал казак Петр Плешков. Когда власти бросили клич о поиске исчезнувшего Падурова, именно он откликнулся на зов. Петр Плешков напоминал русских богатырей Илью Муромца, Добрыню и Алешу Поповича. Ему также присущи недюжинная сила, патриотизм, преданность Родине, способность ее защищать. Петр

Плешков – богатырь, и в то же время он – представитель оренбургского казачьего сословия. Именно в этой среде рождается такой незаурядный человек. Петра Плешкова и казаки, и киргизские батыры знали, как лихого наездника – разведчика. Как и былинные герои, Петр Плешков сражается с врагами, которые превосходят его численностью, хорошее знание противника помогает Плешкову одерживать победу: «Часто схватываясь с киргизами на кордонах, расположенных в то время между форпостами Елшанским, крепостью Илецкая Защита, станицей Угольной, Мертвецовской, Григорьевской, Куралинской и проч., Плешков до тонкости изучил степные наречия и своеобразную киргизскую военную тактику и прилежавшие к линии места знал, как свои пять пальцев» [10]. К сожалению, из-за предательства и по наущению Биккинина Плешков погиб от рук степных злодеев. Когда казаки нашли тело Плешкова, степняки разрешили им забрать покойного и похоронить с почестями.

В данном очерке автор передает свои взгляды, отношение к персонажам: переживания за героя, осуждение самодурства и произвола властей, пленения мирных жителей и защитников Оренбурга.

Выводы

Оренбургский писатель С. Н. Севастьянов написал произведение «Падуров» в виде биографического очерка, ставшего в XIX веке наряду с повестью традиционным жанром для оформления биографического материала.

С. Н. Севастьянов в качестве главного героя выбирает оренбургского военного деятеля, казака И. В. Падурова. При этом он выходит за рамки традиционных жизнеописаний: от рождения до смерти. Писатель обращается к конкретному временному отрезку – эпизоду пленения и освобождения казака.

Мотив «пленника» был очень популярным в русской литературе XIX века.

Все это свидетельствует о том, что региональная литература следовала в своем развитии вслед за общим литературным процессом.

В очерке «Падуров» С. Н. Севастьянов выстраивает сюжет хронологически: до плена, во время плена, после плена. На документальной основе с помощью вымысла автор создает образы главного героя в эти периоды: в начале повествования казак Падуров выглядит гордым, лихим и немного беспечным молодым казаком. Попав в плен, он становится рабом, терпит нужду и унижения. После освобождения Падуров переосмысливает свою жизнь, происходит его возмужание.

Образ Падурова – это не только индивидуализированный портрет конкретной исторической личности, а обобщенный образ идеального казака, представителя казачьего войска, который проявил бесстрашие, любовь к Отечеству, патриотизм, преданность Родине, стойкость духа. Набеги киргизов и пленение оренбуржцев – это не единичный случай, а реальность Оренбургской приграничной линии. Севастьянов изобразил галерею разнообразных образов: мужественный казак Падуров (главный герой), отважный герой Плешков, хитрый и беспринципный Биккинин, добрый Тимашев, мерзкий и тупоголовый комендант Дударь. С. Н. Севастьянов обращался к вставкам в виде сценок, легенд, преданий, они оживляли повествование. У С. Н. Севастьянова в тексте можно увидеть различные художественные средства изображения: пейзаж, художественная деталь, речевая характеристика, диалог. С помощью данных выразительных средств писатель показал жизненные явления, передал переживания героев, свое отношение к ним. Эти приемы помогли скрепить текст очерка, сделать его цельным повествованием.

Список литературы:

1. Сайбулова А. Ж. Жанр очерка в оренбургских изданиях конца 19 века / А. Ж. Сайбулова. – Текст: непосредственный // Вестник ОГУ. 2012. № 11 (147). – С. 156–161. – Рез.англ. – Библиогр.: – с. 161.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: [сайт]. – Москва, 1992 – URL: <http://www.ozhegov.com/words/1732.shtml> (дата обращения 18.08.2020). – Текст: электронный.
3. Казанцева Г. В. Беллетризованные биографии В. П. Авенариуса «Пушкин» и «Михаил Юрьевич Лермонтов»: история, теория, поэтика жанра: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Казанцева Галина Владимировна; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2004. – 22 с. Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т. – Текст: непосредственный.
4. Гиль О. А. Документально художественные биографии в творчестве Р. Олдингтона: специальность 10.01.05 «Литература народов Европы, Америки и Австралии»: диссертация на соискание ученой степени

- кандидата филологических наук / Гиль Ольга Львовна; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 1996. – 17 с. – Библиогр.: – С. 148–163. – Текст: непосредственный.
5. Панин С. В. Жанр биографии в русской литературе XVIII – первой трети XIX века: Система. Эволюция / С. В. Панин. – М.: Спутник+, 2000. – 206 с.; 20 см. – ISBN 5-93406-075-9. – Текст: непосредственный.
 6. Садовская Е. Ю. Генезис художественного очерка 18–19 веков (проблематика, поэтика, типология) / Е. Ю. Садовская. – Текст: непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. – № 1. – С. 231–238. – Рез. англ. – Библиогр.: – с. 238.
 7. Годовова Е. В. Личность наказного атамана как субъект повседневности (на примере жизнеописания наказного атамана Оренбургского казачьего войска И. В. Падурова) / Е. В. Годовова. – Текст: непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. – № 3. – С. 66–73. – Рез. англ. – Библиогр.: – с. 73.
 8. Созина Е. К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе 19 века / Е. К. Созина. – Текст: непосредственный // Уральский исторический вестник. 2016. – № 1 (50). – С. 6–15. – Рез. англ. – Библиогр.: – С. 6–15.
 9. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: Избранные труды / В. М. Жирмунский – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 423 с.; 22 см. – Текст: непосредственный.
 10. Севастьянов С. Н. Иван Васильевич Подуров / С. Н. Севастьянов – Текст: непосредственный // Гостиный двор. 1999. – № 6. – С. 190–205.
 11. Скибина О. М. Творчество В. Л. Кигна-Дедлова. Проблематика и поэтика [монография] / О. М. Скибина. – М-во образования и науки Российской Федерации, Оренбургский гос. пед. ун-т. – [2-е изд., испр. и доп.] – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. – 359 с.; 22 см. – ISBN 978-5-85859-548-9 – Текст: непосредственный.

Информация об авторах

Жаглова Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики Института социально-гуманитарных инноваций и массмедиа Оренбургского государственного университета; Адрес: Россия, 460018, Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13.
E-mail: tmzhaplova@mail.ru; тел.: 8 (35–32) 77–67–70
ORCID: 0000–0003–0278–5852

Сайбулова Ардак Жумабаевна, аспирант Оренбургского государственного университета
Адрес: Россия, 460018, Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13.
E-mail: ardak56@yandex.ru; тел.: 8 (35–32) 77–67–70
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5566-7599>

T. M. ZHAPLOVA¹,
A. Zh. SAYBULOVA²,

^{1,2} *Orenburg State University, Orenburg, Russia*

POETICAL FEATURES OF BIOGRAPHICAL SKETCH OF S. N. SEVASTYANOV “PADUROV”

Abstract

Purpose: the article is devoted to the study of the regional component in literature on the example of the Orenburg provincial author – S. N. Sevastyanov. Attention is paid to the features of the poetics of his biographical essay “Padurov”.

Methods: the study of the biographical sketch “Padurov” is based on historical-genetic and comparative-typological methods.

Outcome: the review of biographical essay poetics features, the motive of “prisoner of the steppe” in Russian literature and in the work “Padurov”, methods of creating images of the Russian Cossacks and Cossack community.

Scientific novelty: new material in the form of essays by S. N. Sevastyanov is introduced into scientific circulation, in particular, his biographical essay “Padurov”.

Practical significance: this work contributes to the popularization and further study of the work of forgotten writers of provincial periodicals, enriching the image of the Cossack in Russian literature.

Keywords: biography, biographical sketch, motive of “prisoner of the steppe”, Cossack, typification, generalization, scene, detail, landscape.

For citation: Zhaplova T. M. Saybulova A. Zh. Poetical Features of Biographical Sketch of S. n. Sevastyanov “Padurov”. 2020. No. 7–8. – P. 35–42. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-7.8-35-42>

References

1. Saybulova A. Zh. The genre of the essay in Orenburg publications of the late 19th century. OSU Bulletin, 2012. – 11(147). – P. 156–161. (in Russian).
2. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language. Date Views 18.08.2020. URL: <http://www.ozhegov.com/words/1732.shtml>
3. Kazantseva G. V. Fictionalized biographies by V. P. Avenarius “Pushkin” and “Mikhail Yuryevich Lermontov”: history, theory, poetics of the genre, PhD thesis, Moscow State Pedagogical University, – Moscow, 2004. (in Russian).
4. Gil O. L. Documentary the art of biography in the works of R. Aldington, PhD thesis, Russian State Pedagogical University of A. I. Gertsen, – Saint–Petersburg, 1996. (in Russian).
5. Panin S. V. Genre of biography in Russian literature of the XVIII – 1TH of XIX century: System. Evolution, – Moscow: Sputnik+, 2000. – 206 p. (in Russian).
6. Sadovskaya E. Yu. Genesis of an artistic essay of the 18th-19th centuries (problematics, poetics, typology). Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism, 2012. – 1. – P. 231–238. (in Russian).
7. Godovova E. V. The personality of the chastened ataman as a subject of everyday life (on the example of the biography of the order ataman of the Orenburg Cossack army I. V. Padurov). Bulletin of the Leningrad state University named after A. S. Pushkin, 2012. – 3. – P. 66–73. (in Russian).
8. Sozina E. K. Discourse of “steppe prisoners” in Russian literature of the 19th century. Ural Historical Bulletin, 2016. – 1(50). – P. 6–15. (in Russian).
9. Zhirmunskiy V. M. Byron and Pushkin. Pushkin and Western literatures: Selected works. – Leningrad: Nauka. Leningrad branch, 1978. – 423 p. (in Russian).
10. Sevastyanov S. N. Ivan Vasilyevich Podurov. Gostiny Dvor, 1999. – 6. – P. 190–205. (in Russian).
11. Skibina O. M. Creativity works of V. L. Kign–Dedlov. Problematics and poetics (monograph). – Ministry of education and science of the Russian Federation, Orenburg state pedagogical University – (2nd ed., ISPR. and add.) – Orenburg: OGPU Publishing house, 2013. – 359 p. (in Russian).

Information about the authors

Zhaplova Tatyana Mikhailovna, doctor of Philology, associate professor, head of Journalism Department, Institute of social and humanitarian innovations and mass media, Orenburg State University;

Address: 13 Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, Russia, 460018,

E-mail: tmzhaplova@mail.ru; tel. +7 3532 77 6770

ORCID: 0000–0003–0278–5852

Saybulova ArdakZhumabaeva, post-graduate student of Orenburg State University;
Address: 13 Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, Russia, 460018,
E-mail: ardak56@yandex.ru; tel. +7 3532 77 677
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5566-7599>

Contents

Study of art	3
<i>B. L. KOVTONIUK</i>	
CYCLE “CHILDREN’S SONGS” BY MICHAEL PLETNEV: ANALYTICAL STUDIES	3
History and archaeology	10
<i>E. Y. TOMSETT</i>	
REACTION TO ABDICATION OF KING EDWARD VIII IN GREAT BRITAIN	10
Pedagogy	22
<i>N. G. PETROVA, L. N. STRIZHAKOVA</i>	
NECESSARY PROFESSIONAL AND PERSONAL QUALITIES OF HIGH SCHOOL TEACHERS ACCORDING TO STUDENTS	22
<i>T. N. SADYKOVA, S. G. MOLCHANOV</i>	
PHENOMENON OF “PROFESSIONAL COMPETENCE OF A TEACHER AS A TOOL OF PRESCHOOL EDUCATION QUALITY MANAGEMENT”. IN PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH	33
Philology and linguistics	35
<i>T. M. ZHAPLOVA, A. Zh. SAYBULOVA</i>	
POETICAL FEATURES OF BIOGRAPHICAL SKETCH OF S. N. SEVASTYANOV “PADUROV”	35